

E21605

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

323.2 (584) 1918

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ТОМ
III

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ФЕРГАНСКОГО БАСМАЧЕСТВА
И БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ В БУХАРЕ

ЧЕТЫРЕ СХЕМЫ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА

1924

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакции	5
Д. Д. Зуев. Ферганское басмачество (1918—1922 г.г.). (Опыт исторического исследования) 24 приложения.	
Глава I. Введение. Историко-географическая справка	11
„ II. Период царского управления	15
„ III. Начало басмачества	27
„ IV. 1918—1919 г. (до соединения с центром)	37
„ V. Соединение с центром. Вторая волна басмачества	45
„ VI. Борьба силою оружия. (Военная борьба)	49
„ VII. Попытки привлечь население в борьбе с басмачами	56
„ VIII. Переговоры	63
„ IX. Заключение	71
Приложения	73
Список источников	88
Н. Е. Какурин. Боевые операции в Бухаре (1922 г.). (4 схемы и 13 приложений).	
Введение. Обзор событий, вызвавших появление Красной Армии в Бухаре. Бухарская революция 1920 г. Ее причины. Гиссарская экспедиция 1921 г. Ее результаты. Появление в Бухаре Энвера-паши; его планы и намерения. Причины нового похода Красной Армии в Бухаре. Политическая цель похода	91
Глава I. Краткий обзор театра военных действий и его главных особенностей	95
„ II. Силы противника, их распределение на театре военных действий. Наши силы и средства	103
„ III. Подготовка и планы обеих сторон	107
„ IV. Сосредоточение и развертывание сил и средств. Ближайшие задачи в этой области и их разрешение. Операции под Керками, Нур-Атой и Байсуном	112
„ V. Операция против главных сил Энвера-паши, закончившаяся выходом наших войск на фронт Айвадис, Кабадиан, р. Тупо-ланг-Дарья	120
„ VI. Подготовка к продвижению на новый рубеж. События в обеих колоннах, предшествовавшие началу этого продвижения. Новое продвижение наших войск вглубь Восточной Бухары. Поставленные им задачи и их выполнение. Смерть Энвера-паши. Обстановка перед сдачей мною командования	137
Заключение	142
Приложения и схемы	147

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предлагаемая вниманию читателей книга имеет в настоящий момент почти исключительно исторический интерес. Описываемая авторами борьба с басмачеством периода по преимуществу 1918—1922 годов отошла в область прошлого. Борьба эта не была ликвидирована в 1922 году с нанесением жестокого поражения Энвер-паше. Даже и в 1923 году, когда для нанесения басмачам решительного удара были значительно усилены части Красной Армии, она не может еще считаться ликвидированной.

Когда мы пишем эти строки, подходит к концу военная кампания против басмачей лета—осени 1923 года, организованная по прямым указаниям Главнокомандующего. Успехи этой военной кампании весьма велики. Басмачи и трудящееся декханство Фергана воочию убедились в превосходстве сил Красной Армии. Большое число шаек разбито и сдалось. Еще больше разошлось по домам, отказываясь от дальнейшей борьбы. Десятки курбашей перешли на сторону Советской власти. Военные успехи одновременно охватили и район Восточной Бухары. Непрístupный до тех пор Гарм очищен от басмачей. Операции нового вождя басмачей Семи-бея (или Селим-паши) при всем их отличии от операций Энвер-паши, окончились в 1923 г. неудачей.

Мы тем не менее не хотим сказать, что военная борьба с басмачами совершенно закончена. С некоторыми изменениями политического положения, эта военная борьба к весне 1924 г. могла бы вновь возобновиться. Если мы все же говорили выше о почти исключительно-историческом характере прилагаемого Сборника, то это потому, что в корне изменились социально-политические условия борьбы с басмачеством, в первую голову в Фергане.

Первая и самая основная перемена выражается в хозяйственном возрождении этого края. Центральная советская власть, освободившись от борьбы на фронтах и вплотную подойдя к хозяйственному строительству, протянула руку помощи Туркестанской республике. Крупные ассигновки на помощь пострадавшему от голода населению на восстановление разрушенной ирригационной системы и, наконец, на ссуды по расширению посевной площади хлопка—все это дало свои результаты. Увеличение втрое площади посева хлопка—это самый крупный удар по Ферганскому басмачеству—обоснование этого положения читатель найдет в настоящем сборнике. Возможность возвращения к мирному труду под охраной сильных гарнизонов Красной Армии дала резкий перелом в настроении населения. Борьба с басмачеством в Фергане стала общей задачей Советской власти и кишлака, ибо басмачество предстало пред всеми, как единственное препятствие к мирному труду. Соответственно этому вырастает и роль туземной добровольческой милиции в военной борьбе с басмачами.

Что касается Бухары, которая до сих пор питала басмачество и Ферганы, то и здесь произошла существенная политическая перемена. Смена правительства Совета Назиров и привлечение к власти новых элементов обещают, на фоне побед Красной Армии, укрепление революционного порядка и повышение забот о нуждах населения. А это подкапывается под басмачей весьма сильно.

Резко изменились и отношения между населением и Красной Армией. Сейчас мы имеем дело с регулярными воинскими частями, прошедшими серьезную политическую школу. Братские отношения с трудящимися—вот основной лозунг. И мы не слышим больше нареканий против Красных частей, кои встречались в прошлом.

Уроки прошлого не прошли даром. Туземное население давно уже участвует в непосредственном строительстве. XII Съезд Российской Коммунистической партии в своих резолюциях по национальному вопросу сделал дальнейшие шаги, которые не замедлили практически отозваться в Туркестане. Чтобы лучше и ярче подчеркнуть всю происшедшую, сравнительно с 1921 годом, перемену, мы дополняем Сборник некоторыми приложениями, характеризующими нынешний момент.

От массового басмачества, как результата слабости Советской власти и разрушенной гражданской войной экономической жизни, к строительству регулярных национальных частей на шестом году Советской власти, путь большой и чреватый вольными и невольными ошибками.

Опыт и ошибки многолетней борьбы с басмачами должны быть тщательно изучены, они имеют и будут еще иметь огромное значение в нашей революционной Восточной политике.

* * *

Редакция признает неполноту выпускаемого в свет материала. В воспоминаниях тов. Какурина басмачество в Бухаре недостаточно освещено с социально-политической стороны. Наоборот, собственно-военная борьба с Ферганским басмачеством мало нашла свое отражение в очерке тов. Зуева. Далее совсем уже не полна картина борьбы с басмачеством, отразившаяся лишь в некоторых отдельных документах в приложениях. Эти дефекты смогут быть восполнены лишь после тщательной проработки всех архивов штабов и если живые участники этих событий примут активное участие в этой работе.

I

Д. Д. Зуев.

ФЕРГАНСКОЕ БАСМАЧЕСТВО

(1918—1922 г.)

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Историко-географическая справка.

Фергана, бывшее ядро Кокандского ханства, составляет по образному выражению первого ее научного исследователя академика Миддендорфа „Провал среди мощных окружающих ее горных масс“. Дно Ферганской котловины, бывшей заливом того доисторического моря, остатками которого ныне является Каспийское и Аральское моря, расположено над уровнем океана немного выше 1.000 футов.

Наибольшая ширина долины достигает 150, длина 250 верст, причем она покрыта сплошным рядом кишлаков и окружающих их садов и полей, прерывающихся лишь участком песчаной пустыни длиной около 60 и шириной около 40 верст, залегающей по левому берегу Сыр-Дарьи и отделяющей Кокандский оазис от Маргеланского.

Почву долины составляет главным образом лесс, отличающийся необыкновенным плодородием, а окружающие долину горные хребты питают значительное количество рек и ручьев, обеспечивающих орошение.

Климат котловины теплый, вследствие защиты от северных ветров, допускает культуру суб-тропических растений.

Горы окружают Фергану могучим кольцом, оставляя лишь незначительный проход на западе, сквозь который прорываются воды Сыр-Дарьи около старинной крепости Махрам. Ширина прохода всего 10 верст. Горные хребты спускаются к долине рядом последовательных террас, обладающих умеренным климатом и покрытых прекрасными пастбищами. Самые хребты зачастую покрыты вечным снегом и проходимы только по небольшому числу перевалов и проходов, открывающихся летом и недоступных зимой.

При общей площади (без памиров) около 82.000 кв. верст, культурная площадь значительно меньше—что зависит от загроможденности горными отрогами и невозможности провести оросительные системы в предгорьях, так как горные потоки прорыли себе слишком глубокие ложа.

Географические условия: замкнутость, труднодоступность, климат и почва создали предпосылки для экономического развития долины. В ней раньше, чем в других областях Средней Азии, развилось и расцвело земледелие. Вместе с тем, накапливаемые богатства служили приманкой

для последовательных волн кочевников, хотя Фергана и лежала в стороне от обычного пути новых орд. Поэтому отряды завоевателей, последовательно форсируя Махрамскую теснину, — обычно оседали в долине, прельщенные ее богатством, климатом и пастбищами. Прибавим еще, что на Фергану дважды распространялось влияние китайцев. Через Кашгар на Ош одно время шел мировой караванный торговый путь, соединявший Китай с Европой.

Отсюда понятна та этнографическая смесь, которую представляло население Ферганы к моменту завоевания царизмом.

Миддендорф в своем исследовании ¹⁾ приводит список 8 народностей Индо-Европейской и 17 народностей Тюрко-Монгольской рас, которые при взаимном смешении составили население долины. Смешение это станет еще понятнее, если мы припомним обще-азиатский порядок истребления мужского населения завоеванной страны, с пленением детей и обращением в жены — молодых женщин и девушек.

Получившаяся от этого последовательного смешения масса народонаселения, из землеробов и горожан, ремесленников и торговцев, потерявшая свои основные племенные признаки, известна под наименованием сартов ²⁾.

Население Ферганы на 90% состоит из оседлых: сартов, таджиков, каракалпаков, русских и т. д. и только на 10% из кочевых: — киргиз, каракиргиз, кипчаков.

Городское население составляет очень значительный процент (до 25%). Кочевое население уменьшается в зависимости от увеличения хлопкового засева. В 1880 году кочевники составляли еще 20% населения.

Долина сплошь покрывается плантациями хлопка. Предгорья занимаются русскими поселками и осевшими кипчаками, культивирующими хлебные злаки, пасеки, сады. Кочевники оттесняются на средний пояс гор, ограниченная площадь которых приводит к постепенному вырождению скотоводства, так что Фергана начинает нуждаться в привозном мясе.

¹⁾ Миддендорф. Очерки Ферганской долины. Спб. 1882. Стр. 286.

²⁾ Последнее время вокруг этого наименования возникла ожесточенная борьба и оно всюду заменено в официальном языке — наименованием „узбек“. Этнографически это совершенный нонсенс. Узбеки, одна из последних завоевательных орд, — сохранили в значительной мере чистоту типа только там, где они осели и составили подавляющее большинство (Хива, Гиссарская долина — ныне Узбекистан, отчасти долина Зеравшана) или там, где они (в незначительной части) сохранили кочевой образ жизни. Негодование, возникшее против наименования „сарт“ вскоре после Октябрьской Революции, объясняется тем, что оседлое население считает его обидным прозвищем, данным ему кочевниками-киргизами, от которых это наименование приняли русские завоеватели.

Известный ориенталист академик профессор Бартольд (см. его „Историю Туркестана“ — Туркгосиздат, 1922, стр. 47) говорит: слово „сарт“ — индийского происхождения, первоначально употреблялось тюрками в смысле „купец“, при монголах оно, сначала в форме „сартакай“ и „сартаул“ стало представлять вообще представителей мусульманской культуры. Уже при узбеках по мере отлучивания туркестанских иранцев (оседлого населения), сартами стали называть оседлое население Туркестана, говорящее по-тюрски (тюркски) в отличие от таджиков (т.-е. тех же оседлых аборигенов — прим. мое Д. З.), сохранивших иранский язык“.

Мы нарочно приводим эти выдержки, чтобы не вызывать недоумения у читателя в будущем, так как будем всегда противопоставлять „узбеков“, кочевников или полукочевников, — „сартам“ оседлому городскому и сельскому населению, не смотря на ныне принятое, но глубоко не научное обыкновение — именовать всех оседлых — узбеками.

В городах, кроме сартов, осевших чистых узбеков (остатков ханской аристократии и бюрократии) живут: таджики, русские, персы, армяне (значительное число), бухарские евреи, индусы, цыгане.

Количество русских относительно не велико и не превышает вообще 2% всего населения. В городах русские составляют 25% населения.

Экономическая борьба между городом и кишлаком и кишлаком и аулом будет изложена ниже. От прежних времен население сохранило острую племенную вражду между киргизами и сартами и узбеками, на почве непрерывно ведшейся в начале и середине XIX столетия борьбы за власть между уже обосновавшимися в долине узбеками и сжившимися с ними сартами (имя собирательное) и вновь нахлынувшими киргизами. Кипчаки одно время (в 40 годах), составляя единственную организованную военную силу, захватили власть, низвергли и возводили кокандских ханов и грабили всех и вся. Восстание в 1853 году против власти этих азиатских преторианцев уничтожило до 20.000 кипчаков и вырвало у них гегемонию, после чего они были оттеснены в восточные предгорья, где и составили полузависимое от Коканда владение, оказавшее русским наиболее упорное сопротивление.

Борьба за власть—была в сущности борьбой за владение орошенной землей, при чем кочевники в этот раз не одержали победы над оседлым населением, уже вооруженным огнестрельным оружием. Кипчакские роды понемногу осели в предгорьях (первой террасе), распахав там землю. Каракиргизы же, сохранив кочевой образ жизни, поднялись еще выше в горы—не оставляя старой привычки налетами на оседлые кишлаки добывать необходимые им предметы обихода и продовольствия.

Мы особенно подчеркиваем сохранившуюся племенную вражду, так как она и вообще невыродившийся еще обычай родовой мести и непрерывных родовых ссор сыграли громадную роль в вопросе объединения басмаческих отрядов и постоянных переходов того или иного курбаши на сторону советской власти, переходов, иногда совершенно необъяснимых без этой предпосылки—племенной вражды.

Чтобы уяснить себе картину социально-политической борьбы в Фергане, надо не забывать, что за 50 лет сохранилось еще много остатков феодальных отношений времен Кокандского ханства.

Кокандское ханство представляло собой государство теократически-феодалного типа, с беспредельным господством абсолютной деспотии.

В период кокандского ханства и до самого его падения (в 1876 г.) в Фергане сохранялись все признаки рабского строя.

Ханство было разделено на бекства, на районы, правителями которых были амины и, наконец, сельские общества с аксакалами (белобородыми стариками) во главе.

Аул кочевников жил всецело родовым бытом. Власть старших родовичей, хотя несколько ограниченная адатом (обычным правом), была все же почти беспредельна.

Оседлое же население городов и кишлаков находилось в состоянии полного бесправия, ибо шариат передавал и дела совести и судебную юрисдикцию в руки духовенства и ученых—улемов, всецело поддерживавших ханскую власть, которая предоставляла им широкие возможности эксплуатации „пасомых“ и „наставляемых“.

Верхи—феодалная аристократия—угнетали народ без малейшего удержу—лишь бы своевременно с бекства были собраны назначенные ханом подати и в придачу им соответствующая взятка.

Суд—дорогой и продажный—был доступен только богатым, а бесконечные толкования корана и шариата позволяли ученым судьям (кази) решать дела в пользу богатого просителя.

В заключение отметим еще одно обстоятельство, имеющее большое значение для понимания военной борьбы. Густая населенность и чрезвычайная пересеченность местности (арыки, топкие рисовые поля, постройки, древесные насаждения, дно долины и труднодоступные перевалы, ведущие к уединенным долинам, как предгорий, так и главных хребтов) при отсутствии хороших дорог—создают исключительно благоприятные условия для ведения малой войны активным противником, пользующимся сочувствием и поддержкой населения и привычным к действиям в конном строю.

ГЛАВА II.

Период царского управления.

Завоевание Кокандского ханства в 1876 году явилось логическим завершением русской царистско-буржуазной экспансии в Среднюю Азию. Не останавливаясь на перипетиях этого завоевания, отметим, что царские войска встретили в Фергане упорное сопротивление. Несмотря на разгром ханских полчищ у кр. Махрам, отдельные предводители, как Пулат-хан, племена, как кипчаки, и города—Андижан и Наманган—продолжали борьбу и вызвали ряд добавочных походов под руководством генерала Скобелева.

Превосходство русской военной организации и лучшее вооружение с одной стороны, племенная рознь, забитость народной массы, еще не создавшей своей государственности, взаимные ссоры главарей и заигрывание с могущественным духовенством обеспечили победу и покорность населения. Умиротворение области (беспорядки были очевидно невыгодны для русских капиталистов) и некоторое смягчение произвола чиновников сравнительно с системой ханского управления дали толчек развитию торговли, что примирило известную часть городских и ремесленных кругов с властью завоевателей, так как дало значительно большие барыши.

Сельское население несло меньше налоговых повинностей и тоже отдохнуло и поправилось.

В первый момент после завоевания гражданская администрация отсутствовала. Была введена система упрощенного военного управления, в уезды были назначены лучшие офицеры, знающие местный язык. Население, видя в них сосредоточенной всю полноту власти, привычное и к патриархальным отношениям и к абсолютной власти беков, неграмотное и потому не привыкшее к письменности, первое время с полным доверием отнеслось к новым властям.

Но „идиллия“ длилась недолго. С 1887 года, Петербург счел край окончательно умиротворенным и заменил упрощенное и понятное управление сложной бюрократической чиновничьей системой. Понаехавшие на „вакантные“ места чиновники, совершенно не знающие ни языка, ни местных условий, были вынуждены обратиться к переводчикам. Одновременно, вместо назначения, принята система выборов низшей туземной администрации. В связи с письменным судопроизводством роль переводчиков возросла. Выборы волостных управителей стоили дорого.

Суммы, затраченные на выборы, взыскивались впоследствии с лихвой. Вся система русского управления от народных масс была закрыта стеной жадных обирал, побуждаемых и указаниями свыше, куда перепали самые лакомые куски. Отсюда—понятна ненависть населения и его презрение к властям, сказавшееся во время избиения 1916 года.

С другой стороны прежнее экономическое равновесие области было в корне нарушено развитием хлопковой промышленности. Лишившееся влияния духовенство и многочисленные ханские чиновники без заработка усиленно разжигали недовольство.

В области постоянно происходили попытки к возмущению, вызываемые преимущественно фанатической проповедью духовных руководителей—ишанов. Наиболее значительной вспышкой было восстание Ишана Мадали в 1898 г. с нападением на воинский лагерь у г. Андижана. Андижанское восстание сильно встревожило царское правительство, убаюканное восточной лестью официальных туземных кругов и мнившее, что Туркестан всецело подчинился русскому влиянию.

Мы считаем весьма полезным привести выдержки из докладов уездных начальников области, которые они представили генерал-губернатору во исполнение приказа из Петербурга—„всемерно выяснить причины восстания“.

Из доклада начальника Кокандского уезда.

„...Все население в смысле политической благонадежности возможно разделить на три группы:

1) Недовольные русской властью и русским правительством—группа, как полагаю, немногочисленная. К ней принадлежит духовенство, между ними ишаны с многочисленными при них мюридами, затем ученые, воспитанные в духе мусульманства, и фанатики.

2) Сознательно довольная русской властью и правительством группа почти равная первой. К этой группе принадлежат: все почти торговцы, вполне освоившиеся с нравами и обычаями русских, особенно побывавшие в России, все почти состоятельные классы (!!), не зараженные фанатизмом, все почти лица, состоящие на службе у русских и, наконец, большинство городского населения (??).

3) Не имеющие причин быть недовольными русскими, но и не утратившие мысли о самостоятельности,—группа самая, по моему мнению, многочисленная, к которой принадлежит вся масса кшлячного населения, часть городского, и на сторону которого становятся все безразлично относящиеся к мысли о самостоятельности и готовые принять чужеземное правительство, лишь бы оно было мусульманское.

Духовенство и ученые, принадлежащие к первой группе, недовольны своим настоящим положением, так как влияние их на массу с каждым годом падает все более и более; с этим падает и имущественное положение, разные вакуфные доходы отнимаются из их безотчетного распоряжения и подвергаются правительственному контролю, разные кази, власть коих в былые времена была только в зависимости

от ханов, усматривают для себя стеснения от русского правительства в их сменяемости и в возможности отмены их решений, в ограничении пределов их подсудности, равно и в ограничении доходов. Наконец, баи, наживавшиеся эксплуатацией народной массы, видят стеснение к беспощадному обиранию этой массы во вмешательстве администрации и русского суда в их темные делишки... Первая группа ведет агитацию в третьей“...

В противовес русской администрации, где власть уездного начальника постоянно дискредитируется судебными органами, ведущими ведомственную борьбу за главенство, как бы в противоположность этому в глазах народа высоко держит свое знамя мусульманское духовенство и ученые. Первое ни от кого не зависит. Оно ^и никем не назначается и никем не сменяется. Ишаны, имамы, муллы, ходжи, бродячие святые и всякий сброд не только по домам, но и в мечетях, в медресах и других молитвенных, ученых и учебных заведениях могут беспрепятственно проповедывать, что им заблагорассудится... Таким образом перед народной массой стоят, с одной стороны, почти ни от кого фактически независимое духовенство, имеющее на нее нравственное влияние и народный суд, почти независимый от администрации, а с другой стороны—туземная администрация, бессильная и по своей зависимости от той же народной массы и от представителей русской власти“. (Доклад начальника Кокандского уезда 31 мая 1898 г. № 42).

Из доклада начальника Маргеланского уезда.

„Со времени занятия Сыр-Дарьинской и Самаркандской области там никогда у местного туземного населения не бывало попыток к провозглашению „газавата“, тогда как в Фергане это есть часто повторяющееся явление. В Ферганской области, можно сказать, постоянно чувствуется брожение идеи—газавата. Не считая дел, захваченных в своем первоначальном зародыше, они открыто выражались: в 1878 году дело Джетым-хана, во главе с Маматом, повешенным за это в Андижане; в 1882 году был об‘явлен „газават“ с ханом во главе и виновные по этому делу были повешены в Маргелане и Андижане; в 1885 году было заметное движение в Маргеланском и Андижанском уездах, созданное Дервиш-ханом. В 1893 году попытку сделал Сабыр-хан из Кокандского уезда, тоже собравший около себя шайку и развернувший зеленое знамя. Наконец последняя попытка Мадали. При одинаковых условиях жизни этих трех областей естественный вопрос: в чем причины такой особенности Ферганы? Об‘яснить это одним фанатизмом нельзя, так как фанатизмом заражены одинаково мусульмане всех трех областей.

Народное волнение само по себе не страшно с какой бы силой оно ни проявилось, но страшна для нас возможность пассивного протеста населения, когда оно, заявляя нам свою покорность, не будет в одинаковой с нами мере заботиться о спокойном состоянии края.

Укажу на факт: в 1896 году в Алты-Арыкской волости приютилось человек шесть разбойников и мы никак не могли их поймать. Разбойники эти пользовались спокойствием до тех пор, пока главному из

них не вздумалось потребовать в жены дочь одного влиятельного лица, после чего население само стало ловить разбойников".... „Как ни мало у нас исторических сведений о политической жизни Ферганы, тем не менее, положительно известно, что она была ареной междоусобиц тесно сплотившихся здесь на небольшой культурной площади разных народностей. Дух произвола еще не выродился в Фергане и, главным образом, на левой ее стороне, где он старательно поддерживался сосредоточившимся в Фергане ханским служилым людом. По мере занятия нами провинций быв. Кокандского ханства, сподвижники хана, теряя свое служебное положение, переселялись в Фергану; здесь и сейчас чуть не в каждом кишлаке живут бывшие токсаба, пансаты, юзбаши". (Доклад Маргеланского уездн. начальника 15 июня 1898 г.).

Из доклада начальника Наманганского уезда.

„Не буду настаивать на неумиротворенности Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, зато твердо убежден, что Ферганская область находится еще в состоянии сильного брожения, и в этом нет ничего удивительного, так как территория последней области присоединена позднее других и население ее состоит из сброда (!!) массы народностей, в виде узбеков, таджиков, киргиз, тюрков, кашгарцев, каракалпаков, кипчаков, калмыков, татар и евреев, в числе коего значительный контингент пролетариата ¹⁾, образовавшегося из бывших сипаев ²⁾, пользующегося всяким удобным случаем пограбить и этим путем добывать хоть кое-какие средства к существованию". (Записка Андижанского уездного начальника, 1898 г.).

„Население Ферганы за последнее столетие ханского владычества не имея твердой государственной организации и сильной власти, постоянно переживало смутное время борьбы партий, которые, низвергая одного хана и поднимая на белой кошке другого, всякий раз пользовались недовольными лицами, которым нечего терять, и при том наименее уловимых, и неуязвимым в горах кочевым населением, всегда готовым безнаказанно пограбить оседлых, а затем уйти с добычей, даже и при неуспехе восстания, в трудно доступные горы". (Записка Наманганского уездного начальника 30 июня 1898 г. № 6340).

В докладе военного прокурора Т. В.-Окр. суда (август 1898 г.), мы находим еще следующие указания:

„Идея нарушения общего государственного порядка и спокойствия туземному населению повидимому совершенно чужда, так как неразрывной частью целого, что составляет русское государство, оно себя еще не признает...

...Наконец, к восстанию пристал всякий сброд (!!): поденщики (мардекеры), мелкие торговцы, нищие, диваны, нашакуры (курильщики анаши), кумарбасы (игроки в азартные игры), вообще бродячий люд, не имеющий определенных занятий и местожительства,

¹⁾ Лумпен-пролетариата, деклассированного элемента (прим. автора).

²⁾ Сарбазов, солдат.

терять которому нечего“... „Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то конечно это было бы сделано тотчас же, как стали ходить слухи о заговоре“.

При всех оттенках в оценке общего положения разными начальниками уездов можно установить целый ряд общих весьма ценных признаний. Власть чувствует себя совершенно чуждой местному населению. Она—власть оккупационная. Рядом мероприятий она связалась с богатой частью населения, привлекая ее даже к управлению. Народная масса ощущает на себе новый, добавочный гнет и свободно используется недовольными элементами из среды высшего духовенства для выступлений против новой власти. Сколько вместе с тем глубокого презрения к этому „сбору“ и „пролетариату“ со стороны царских чиновников!

Таковы были внутренние взаимоотношения между победителями и побежденными после 23-летнего управления. Проследим, что же улучшилось за период с 1898 г. по 1916 г., когда Туркестан был потрясен кровавым восстанием, вызванным неосторожным и неподготовленным массовым призывом рабочих в действующую армию.

Когда завоеватели немного осмотрелись в новых землях, они поразились богатству Ферганской долины. Плеяда первых исследователей поет гимны новому приобретению. Наиболее серьезный исследователь Ферганы, Миддендорф дает следующие картины.

„В пределах бесконечно обширной области, занимаемой желтоземом (лессе)—Ферганская долина представляет щедро благословенный уголок прекрасной божьей земли.

Южное солнце, несмотря на то, что действие его подкрепляется ясным небом, вполне пропускающим его лучи и потому дающим возможность им вполне проявить свое действие—было бы бессильно произвести эти чудеса, несмотря на желтозем, если бы географическое положение этой замкнутой долины не придавало созиданиям земледелия непроборимой прочности также и в политическом отношении...

Подходя долины, несмотря на ее положение в середине континента, оказывается однако настолько углубленной, настолько возвышающейся над уровнем моря, что Ферганская долина, расположенная на широте южной Италии, концентрирует, вследствие чрезвычайного континентального положения, солнечные лучи почти до степени тропического зноя и потому, несмотря на холодную зиму, пригодна к возделыванию даже подтропических растений“...

Далее он приводит сохранившиеся описания восточных исследователей, ярко передающих свое очарование.

„Не видишь деревни прежде чем войдешь в нее; ее заслоняют деревья; это прелестнейшая страна, богатая деревьями, изобилующая реками, оглашенная пением птиц. Она словно плащ из зеленой парчи, с вышитыми голубыми лентами проточной воды“... „Фазаны здесь до того жирны, что, по пословице, одним фазаном могут наестся четыре человека“... „Жители Андижана славятся своей красотой, близ Оша воздух восхитителен, проточная вода в изобилии, весна очаровательна. Прелести

Оша уже превозносятся в священных преданиях. По обеим сторонам реки лежат обильно орошенные сады, в которых весной цветут прекраснейшие фиалки, великолепнейшие розы и наикрасивейшие гиацинты“ (стр. 11, 12, 13 выдержки из арабского географа Могадесси и султана Бабера, уроженца Ферганы).

Вскоре Фергана была оценена по существу—в качестве хлопкового царства, могущего сыграть громадную роль для метрополии.

Чтобы не задерживать подробностями—обратимся к статистике и проанализируем таблицы, составленные на основании трудов областной статистической комиссии и Ц. С. У. Туркеспублики.

Н а с е л е н и е (в т ы с я ч а х).

	1880 г.	1900 г.	1911 г.	1915 г.	1920 г.
Городское . . .	133	302	409	—	401
Сельское . . .	475	1248	1717	—	1210
Кочевое	124	120 (24 т. к.)	75 (15 т. к. ¹⁾)	—	55 (11 т. к. ¹⁾)
Всего . .	732	1670	2126	2212	1611 потеря 25%

Бросается в глаза рост городского населения, увеличившегося более, чем в три раза, тогда как общее количество прочего населения увеличилось только в $2\frac{5}{6}$ раза, при чем большинство городов восточной Ферганы остались по количеству населения почти неизменными, все же увеличение произошло преимущественно за счет развития Коканда, ставшего центром, хлопковой, промышленной, а, следовательно, и экономической столицей Ферганы.

Заметно также резкое падение числа кочевников, причем последние данные 1911 года даже не дают цифры и она высчитана путем выяснения количества покибиточного сбора. Это падение чрезвычайно характерно, т. к. именно за период 1900—1911 года в кочевые районы проникла волна русского колонизаторства.

Рост русских поселков виден из следующих данных: в 1893 году основано первое поселение—село Покровское, в Ошском уезде. В 1900 г. поселков 5 с 2800 человек. 10 июня 1903 года изданы: „правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей. 1905—1906 годы дали волну самовольнического переселения, усилившуюся к 1907 году—как результат неудачи первой Российской революции и малоземелья в центральной России. В 1911 году поселков 19 с 10.000 населения; в 1915 году—их уже 50. Наконец после восстания 1916 года и его усмирения—прошла вторая самовольническая волна и к 1921 г. в Фергане было до 80 поселков.

¹⁾ В том числе кочевников, примерно, вычислена по суммам покибиточного налога.

Колонизация захватила преимущественно восточные уезды (Наманганский, Андижанский, Ошский), т. к. климат предгорий наиболее подходит для выходцев из России и они совершенно не приспособлены к культуре хлопка и риса (дно долины—западные и центральные уезды). Поэтому волна переселенцев обрушилась не на территорию оседлого, — а на территорию кочевого населения; киргизы лишаясь пастбищ—были вынуждены также оседать на землю, т. к. для скотоводства не хватало угодий.

Кроме появления случайного русского элемента, происходило также и наступление сартовского кишлака на киргизский и узбекский аул, в поисках земли, пригодной для культуры хлопка. Откидывая национальные признаки, играющие второстепенную роль—можно указать, что борьба города, кишлака и кочевника—кончилась победой оседлой части населения. Эта победа в себе таит и ряд поражений, из которых наиболее существенные следующие:

1) уменьшение скотоводческого района и ослабление кочевников ведет к уменьшению запасов мяса в области, а т. к. хлопковая культура, убивая другие, привела к необходимости ввоза хлеба, то оседание кочевников привело параллельно и к необходимости ввоза скота. Процесс этот назревал уже давно; в 1858 году из Ферганы вывезено скота больше, чем в 1867 г. Общее число голов скота в Фергане исчислено в 1885 г.—1506 тысяч, в 1900—2157 тысяч, в 1911 г.—падает до 1885 тысяч, в 1917 г.—1590 тысяч, а к 1922 г. считается всего 775 тысяч, т. е. 49% дореволюционного количества.

2) Уменьшение кочевого населения ведет к уменьшению торговли мелких базаров и сокращению кустарной промышленности, т. к. кочевник (киргиз) является главным покупателем у оседлого населения.

Это в свою очередь ведет к постепенному замиранию самостоятельной торговли кишлака и к его подчинению городу и постепенному на­ростанию торгового капитала в руках городской торговой олигархии. В связи с развитием хлопководства, этот процесс привел к зарождению крупной торговой буржуазии, имевшей своим средоточием г. Коканд.

Состояние сельского хозяйства видно из сопоставления следующих данных: основных хлебных злаков (пшеница, рис, просо, ячмень, джугара) засеяно 6 тысяч пудов, в 1900 г., а в 1911 г.—только 1529. Нехватка своего хлеба составляла в 1900 году до 2.500.000 пуд. в особо неурожайный 1911 год ввезено хлебных грузов до 17 миллионов пуд., нормальная же нехватка определяется в 8.000.000 пудов.

Хлопковой горячке приносятся в жертву даже многолетние и высокие виноградные культуры и с 7315 десятин 1900 года площадь виноградников падает до 6339 дес. в 1911 г.

Хлопок уменьшил также количество клеверников, что в свою очередь поставило рабочий скот в зависимость от подвоза, воинские же части старой армии сено получали исключительно из Европейской России, так как оно с привозом обходилось дешевле, чем при заготовке на месте.

Общее состояние Ферганы, как театра военных действий очерчено в труде генерального штаба полковника князя Стокасимова (1912 г.) следующим образом.

1) „Фергана весьма богата естественными произведениями, но не пищевыми продуктами, в которых чувствуется значительный недостаток, пополняемый извне. В случае военных действий и усиленной работы же-

лезных дорог для надобностей войск—подвоз в край если не прекратится вовсе, то во всяком случае сильно уменьшится и население будет поставлено в весьма трудные, если не сказать критические, условия.

2) Скотоводство не настолько развито, чтобы выдержать усиленную поставку мяса войскам.

3) Запасы фуража крайне скудны, чему доказательством служит то обстоятельство, что даже теперь части войск находят более удобным и верным производить покупки и заготовки в Европейской России⁴.

Общий вывод труда, что Фергана базой служить не может.

Мы подробно остановились на этом вопросе, т. к. необходимо решительно подчеркнуть, что всем укладом русской политики Фергана превращена в хлопковую плантацию, потеряв всякое иное значение. Хлопководство явилось организующим началом всех производственных и иных общественных отношений, вызвав рост байства и образование туземной буржуазии. Сельскому хозяйству, не связанному с хлопком, и скотоводству—развитие хлопковой промышленности нанесло сильнейший удар и повело к их постепенному вырождению. Рассмотрим его влияние на другие отрасли народной жизни.

В 1867 г. в Россию (по данным Костенко „Туркестан“ том III): ввезено хлопка 3.084.000 п., из коих из Америки 2.536.000 пуд. и из Средней Азии 548.000 п. (82,24% и 17,76%), причем к 1880 году он определяет возможность вывоза из Средней Азии 3.000.000 п., из коих на Бухару и Хиву приходится 2½ миллиона пуд., а на Фергану менее 500.000 п.

Начало развития хлопководства в Фергане относится к 1888 году; дальнейший рост виден из таблицы.

	1891 г.	1900 г.	1911 г.	1917 г.	1918 г.	1920 г.
Засеяно десятин в тысячах . .	66	186	345	348 (из 596 куль- турн. земель)	51	21,8

Параллельно увеличивается и вывоз, достигший в 1916 г. 13 миллион. пудов, что составило около половины всей российской потребности и, соответственно, год за годом уменьшало зависимость нашей текстильной промышленности от Америки.

Увеличение площади с целью вывоза в Россию, куда шел только хлопок американских пород, привело к росту площади засева исключительно таковых. Клин же, засеянный хлопком местной породы для кустарного производства маты и домашнего сбыта не изменился за 20-ти летний период, против 12.000 десятин в 1890 году было 13.000 дес., в 1911 году и та же почти цифра отмечена и для 1922 года.

Одновременно с разрастанием посевов—шло развитие хлопкоочистительной промышленности и производных от нее—мыловаренной, маслобойной. Заводы растут, как грибы: в 1890 г. их 40, 1900—93, 1911—160, 1917—279 ¹⁾.

¹⁾ На 1 января 1921 г. по спискам числилось: действующих—5, бездействующих—22, закрытых—48, сожженных—50, всего 125 зав.,—сведения явно неполные.

В 1911 году по Фергане значилось: промышленных заведений кустарного типа—3892 при 29.563 рабочих, фабрично-заводского типа 250 при 18.309 рабочих; горных предприятий 14 угольных, 8 нефтяных при 1.392 рабочих.

Развитие торговли (и в большинстве случаев мелкой) определяется числом выбранных свидетельств: 1890—15.118, 1900—30.446, 1911—34.341 (из них 4-го разряда—22.187).

Необходимо твердо запомнить цифры (около 4.000) мелких хозяйств предприятий кустарного типа (1—2—3 рабочих) и мелких торговцев (свыше 25.000 чел.), т. к. именно они сыграют большую роль в поддержке басмаческого движения в период проведения политики полного запрещения частной торговли.

Все усилившееся развитие хлопководства быстро дифференцирует, расслаивает население. Взамен ханских чиновников и влиятельного духовенства роль начинают играть люди, создавшие себе состояние на хлопке.

Московские фирмы, требующие сырья, имеют своих представителей—русских, не знающих в большинстве ни языка, ни местных условий. Они создают промежуточный класс посредников, баев, быстро идущих в гору. В несколько десятилетий вырастает, как из под земли, крупная туземная буржуазия, правда еще не пытающаяся конкурировать с Москвой, но уже становящаяся в непосредственные с ней отношения. Баи—посредники—имеют своих агентов—скупщиков, проникающих до глубины кишлаков. Кроме скупщиков, для декханина большим вопросом является транспорт—доставка своего урожая, и это вызывает к жизни еще один вид промежуточных эксплуататоров—арбакашей.

Культура хлопка чрезвычайно сложна и требует значительного количества рабочих рук; не имея таковых в своей семье и увлеченный сказочной прибылью (урожай хлопка при реализации давал в три раза больше дохода, чем хлеб с той же площади), землероб нанимал рабочих-поденных, мардикеров. Примерно одна десятина хлопка требует наличия одного—двух годовых или сезонных рабочих, а в некоторые периоды (окучивание, поливка, особенно сбор)—до 10 человек на десятину, при чем работа их продолжается один, два, три дня (всего до 150 рабочих дней). Увлекаясь прибылью от хлопка, крестьянин весь свой участок засеивает им, почему нуждается в других продуктах. Оплата мардикеров и расход на пропитание приводит его к займу. Здесь начинается роковое колесо. Скупщики и посредники баи—охотно дают авансы „под урожай“, причем отсутствие или незначительность операций местных учреждений мелкого кредита приводит к полному закабалению даже среднего крестьянства. Неплатеж и взыскание приобретают хронический характер (в 1914—15 году предъявлено ко взысканию на 16.000.000 р.—сумма громадная) и приводят в конечном счете к продаже за долги мелких участков. Постепенно собираемые в руках баев земельные угодья эксплуатируются путем сдачи исполу, в аренду, так называемым чарикерам, не имеющим уже своей земли и всецело находящимся в зависимости от бая.

Социальные изменения, вызванные развитием хлопковой горячки, отмечены еще в докладе генерал-губернатора Куропаткина о восстании

1916 года (доклад датирован февралем 1917 года и не был отправлен в виду революции).

„Проявление беспорядков было направлено против полиции и туземной администрации и имело целью тем или иным образом воспрепятствовать составлению списков рабочих.

В области убит 1 русский стражник, 11 лиц туземной администрации, сартов убито 12, ранено 60“.

„... Главнейшие из этих причин, (кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп населения Туркестана) следующие:

У оседлого населения трех коренных областей Туркестана развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в край огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев на ряду с обеднением мелких землевладельцев. Быстро развивавшееся в хлопковом деле машинное капиталистическое хозяйство сделало кустарный труд мелких земельных участков мало производительным.

Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходит скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных. Быстрый рост учреждений мелкого кредита ¹⁾ позволяет надеяться, что этот вредный в государственном отношении процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работающей части населения приостановится. Насколько велика задолженность населения видно из того, что только в Ферганской области за 1914 и 1915 г. предъявлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 миллионов рублей. За долги у туземцев продавалось во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь.

Волостные старшины и судьи (кази) стали во многих случаях на сторону багачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в значительной степени стала недовольной своими туземными властями и судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей.

Обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности“.

Прежде чем свести воедино все изменения, происшедшие со времени завоевания края, следует еще отметить усилившуюся преступность и падение нравственности среди молодого поколения, что всецело объясняется пьянством, занесенным сюда оккупантами.

Вот что говорится в официальном издании Ферганского Областного Статистического Комитета: „В 1909 году впервые были открыты в сельских местностях два оптовых винных склада, в 1911 году их было уже 148. Пьянство начало распространяться среди туземцев с угрожающей быстротой, а вместе с тем появилось и шинкарство, водку стали продавать даже во многих туземных чайханэ“.

Параллельно пьянству развивается и преступность.

¹⁾ Утверждены только в 1907 году.

Осуждено:

	1890 г.	1900 г.	1911 г.
Окружным судом	88	123	294
Мировым судом	415	564	1974
Народным судом	917	1253	1493
Итого	1420	1940	3761

Особенно сильно поднялась волна преступности в 1911 г., когда было учинено: 245 грабежей, 216 убийств, 300 краж; важно отметить, что этот год был годом неурожая хлопка, зимой стужи и падежа скота и сильнейшего (на 50, даже и 100%) вздорожания хлеба.

Восстание 1916 года, хотя и захватило Ферганскую область не столь значительно, как Семиречье и Самарканд, но все же оставило свое тяжелое наследство. Фергана могла легче, чем другие области, выделить нужных царизму военных рабочих, т. к. она страдала постоянно избытком рабочих рук и к тому же совершенно не имеющих своей собственности и хозяйства, для которых наряд не представлял того ужаса, как для самаркандца или семиреченского киргиза.

В результате волнений взаимоотношения между русскими поселками и коренными жителями обострились до крайности. Весь русский элемент области был напоен ненавистью к „халатникам“ и „орде“ за их „бунт“. Жестокая расправа и экзекуции войсковых частей казались недостаточными; пример семиреченских крестьян и казаков, самовольно захватывавших киргизские земли, поголовное выселение киргиз из Пржевальского района и образование из них горного Нарынского уезда дразнили аппетиты ферганских колонистов.

Неустойчивое равновесие, так метко охарактеризованное еще в 1898 году начальником Кокандского уезда (см. стр. 16) было нарушено.

К моменту революционных потрясений Фергана представляла собой запутаннейший клубок противоречивых интересов. Подчеркиваем еще раз главнейшие из них:

1) Полное господство хлопка и связанная с этим полная зависимость области от привозного хлеба; начинает сказываться все растущая разруха транспорта.

2) Обезземеливание мелкого крестьянства, увеличение кадра поденных рабочих (мардекеров), арендаторов (чарикеров).

3) Образование крупной туземной буржуазии, всецело связанной с Российским капиталом.

4) Обострение отношений между оседлым сельским и кочевым населением.

5) Обострение отношений между кишлаком и городом: мелкий торговец и базар кишлака терял своих главных покупателей кочевников,

вследствие их ослабления, и потому был вынужден стать поставщиком города, где усилившийся торговый капитал его эксплуатировал.

6) Резкое обострение взаимоотношений коренного населения и русских, которых население целиком относило к оккупантам.

7) Растущая уверенность в слабости Российского государственного организма (призыв военно-рабочих, агитация турецких агентов и германских военнопленных).

8) Усиление преступности, в частности грабежей, принявших организованный характер, образование спаянных шайк „басмачей“, разбойников, пользующихся поддержкой озлобленного против города и русских населения.

На эту вулканическую почву упали громы Февральской и вскоре Октябрьской революции.

ГЛАВА III.

Начало басмачества.

Престиж царской России, сильно пошатнувшийся под ударами Японской войны (победа азиатов над европейцами) был окончательно поколеблен к концу мировой войны и призыв военно-рабочих преломился в умах населения, как признак окончательного ослабления метрополии. Свою роль сыграли панисламистские турецкие и афганские эмиссары и германские военнопленные. Поэтому одновременно с известием о падении царской власти в Туркестане сильно развились центробежные силы, всегда сопутствующие Революции.

Здесь мы вынуждены покинуть Фергану и обратиться к Ташкенту, так как Фергана вскоре стала ареной, на которой разыгрывается пьеса, написанная и срепетированная в Ташкенте.

Комитет Временного Правительства, заменивший генерал-губернатора Куропаткина (к слову сказать, сумевшего остановить вакханалию усмирения 1916 года и связаться с имущей частью туземного населения), играл жалкую роль. Никто ему не подчинялся, а между тем политическая борьба разгоралась все сильнее и сильнее. Солдатские и рабочие массы революционизировались с каждым днем. Влияние большевиков и их политических союзников и одновременно конкурентов—левых с.-р. все росло и привело к попытке „передать всю власть Советам“, имевшей место в середине (11—26-ое) сентября 1917 года. Здесь Ташсовет, возглавивший революционное движение, столкнулся не столько с жалким представителем Временного Правительства, бесславно кончившим свою научную деятельность гражд. Наливкиным, сколько организовавшимися контр-революционными силами и соглашательским Краевым Советом С. и Р. Депутатов.

Реакционная городская дума и городская управа, где большинство принадлежало консервативным туземным партиям духовенства и буржуазии „Улема“, и „Шуро-Исламия“—всецело соединились с противобольшевистскими силами. Сентябрьское выступление оказалось преждевременным. Столица была приведена к покорности присланным от Керенского генералом Коровиченко.

Краевой Совет, признав, что атмосфера в Ташкенте препятствует спокойной работе, „переезжает“ в Скобелев, один из хлопковых центров, расположенный между Андижаном и Кокандом, место сосредото-

чения интернационального (русского, туземного, иностранного) капитала и крупной туркестанской буржуазии.

Октябрьский переворот передал всю полноту власти в руки Ташкентского Совета, но победа была не полна; правда, Ташкент стал советским, но еще далеко не весь Туркестан подчинился диктатуре пролетариата.

Контр-революционные силы искали опоры в различных слоях. В Семиречьи они опирались на местное казачество. В Самарканде они пытались использовать то же казачество, возвращавшееся из Персидского похода домой. В Закаспии соглашательские партии, базируясь на Кавказ и приняв внешне завоевания Октября, готовили почву, на которой через полгода выросла Асхабадская реакция. Наконец, в Фергане они оперлись на круги соглашательского Краевого Совета и с его помощью созвали Чрезвычайный Всетуркестанский мусульманский съезд в Коканде.

Съезд этот в громадном большинстве своем выражал волю туземной буржуазии. В последней ярче всего к тому времени господствовала идея спасти свое достоинство от социальной экспроприации, а на этой почве окрепло стремление к автономии, к отделению от большевистской России. Действительно, первым своим постановлением съезд 1-го декабря 1917 года декретировал автономию. Кроме того, съезд постановил войти в Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (Сафаров, стр. 72).

Акт об автономии оказал громадное влияние на все последующие; он является тем корнем, от которого произошли все дальнейшие события. Автономия стала лозунгом, объединившим чисто разбойничьи проявления первых басмаческих шаек, идея автономии возглавила разросшееся широкое движение, одно время приобретшее в полной мере значение народного.

Народившаяся на баррикадах молодая Советская власть не имела под собой почти никакой опоры; промышленности, кроме хлопковой, в крае не было; солдаты старой армии, уроженцы Сибири и Центральной России, жили одной мыслью: вернуться возможно скорее домой. Оставался только железнодорожный пролетариат. В его послужном списке значились значительные революционные заслуги в период 1-й революции. Велики заслуги железнодорожников и в гражданской войне в Туркестане, которую они значительным образом вынесли на своих плечах. Но вся эта база Советской власти была чисто-русской. А колонизаторская политика старого правительства ставила каждого русского, хотя бы последнего поденщика в привилегированное положение. Он — „тюря“, господин для массы презираемых им сартов или „киргизни“. Это наследство заразило не только железнодорожную, вообще более привилегированную рабочую массу, но и широкие революционные круги.

1-й Совнарком (из 7 большевиков и 8 левых с.-р.) был выбран при следующем лозунге: „Включение в настоящий момент мусульман в органы Высшей Краевой Революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти ССР и КД, так и в виду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций, представительство которых в органе Высшей Краевой власти фракция ¹⁾ приветствовала бы“. (Сафаров, стр. 70).

¹⁾ Резолюция объединенной фракции большевиков и максималистов 3-го съезда Советов.

Сознавая всю необходимость сохранения хлопкового района за РСФСР, особенно в условиях ее полной блокады, вожди Туркестанской республики боялись широкого движения мусульманских масс под руководством туземной буржуазии, так как знали, что мусульманская буржуазия, имеющая через духовенство почти неограниченное влияние на эту массу, не остановится ни перед чем, для сохранения за собой накопленных богатств.

Поэтому, с первых же дней проявив выдающуюся энергию в борьбе против надвигавшейся со всех сторон контр-революцией русской, выказав выдающиеся организаторские способности в борьбе на кольцевом фронте гражданской войны, без военной промышленности, без денег, без хлеба, пережив такое потрясение, как Осиповское восстание, сломив своих самых опасных и страшных врагов—Дутова и асхабадцев,—вожди Туркестанской революции неправильно оценили свои отношения с коренным населением.

Верхов они боялись, верхам они с полным основанием не доверяли, а к низам, к массе туземного населения они не сумели подойти, вызвав с ее стороны недоверие к новой власти.

Эти последние настроения лучше всего выражаются в словах т. Джурабаева, произнесенных на заседании Турцика 13 июля 1918 г. в момент чрезвычайно острый, когда казаки и чехо-словаки шли от Оренбурга, а асхабадцы стремились в Чарджуй.

„Мусульманский пролетариат хочет идти с вами с первого дня Революции, но вы не хотите его пустить“.

И действительно, всколыхнувшаяся было масса туземной бедноты, эксплуатируемая и русскими и своими баями, не найдя поддержки у русских, осталась в стороне, взирая на разыгравшуюся борьбу, как на внутреннюю русскую распрю, а впоследствии под влиянием причин, о которых мы скажем ниже, даже поддалась увещеваниям своих буржуазных кругов, поймавших ее на националистических лозунгах, и приняла участие в борьбе, но уже на стороне басмачества.

С другой стороны Российская контр-революция сделала все, чтобы использовать любое выступление коренного населения в своих целях. О дружественной связи крупной буржуазии мы не говорим, так как космополитичность денежных королей всем известна.

Объявление Кокандским с'ездом автономии 1-го декабря 1917 года вызвало 13 декабря манифестацию в Ташкенте. Манифестация эта имела всенародный характер. В ней проявились чаяния широких масс коренного населения, которое напряженно ждало от новой власти новых слов, которые непреложно показали бы, что не только для русских, но и для всего населения Туркестана, покончено со старым строем.

Море чалм, по характерному выражению очевидца, покрыло площади и улицы Старого города и в полном порядке двинулось в Новый город. До 60.000 человек приняло участие—почти все взрослое мужское население Старого Ташкента.

Русские белогвардейцы решили использовать мирную манифестацию в своих целях, для свержения ненавистной им Советской власти, для чего вошли в связь с наиболее реакционными улемистами и активно настроенными шовинистами и сепаратистами организаций „Шуро-Исламия“. Поэтому они направили часть манифестантов к тюрьме и освобо-

дили наиболее активных черносотенцев—Доррера, Бека и др., а во главе другой колонны, шедшей от Шейхантаура стал генерал Смирнитский, окружной интендант—известный организатор выступления некоторых тыловых частей старой армии против новой власти.

Освобожденные из тюрьмы на автомобиле прибыли к главному митингу у памятника Кауфмана и призывали к свержению власти; стали раздаваться одиночные выстрелы, толпа оказала сопротивление при вторичном аресте Доррера и его автомобиля. Были вызваны красно-гвардейские отряды, дальнейшее проникновение новых толп в Новый город было воспрещено, что вызвало столкновение на Урде, во время которого залпом был убит ген. Смирнитский и многие из шедшей за ним толпы демонстрантов.

Манифестация, благодаря участию белогвардейцев, приняла анти-советский характер и ухудшила отношения между новой властью и туземным населением; события же 13 декабря внушили еще большее недоверие к коренному населению, в котором оно стало видеть оплот реакции.

Кокандские события в феврале 1918 года (с 12 по 19) только усилили эти взаимные впечатления. Для уяснения сущности Кокандских событий необходимо предварительно выявить, что политическая революция, затронувшая русское население и туземные верхи,—сопровождалось экономическими потрясениями, всей тяжестью своей легшими именно на коренное население и на его широкие народные низы.

Революция, связанная с параличом транспорта, образованием внутренних фронтов (Дутовская, Оренбургская пробка) и остановкой деятельности крупных центров текстильной промышленности принесла для Туркестана, а особенно для Ферганы, полный хлопковый крах.

Одновременно зима 1917—1918 г.г. привела, вследствие своей суровости и весенней гололедицы к полному краху скотоводство. К неблагоприятным, грозным условиям климатическим и обще-политическим прибавилось еще одно, роковое, завершающее, экономические ошибки нового правительства.

28 февраля 1918 года в № 37 „Нашей газеты“ (официальный орган) был опубликован следующий декрет:

„Весь хлопок, находящийся в Туркестанском крае, в каком бы виде он ни был и где бы ни находился в настоящий момент, конфискуется и объявляется собственностью рабоче-крестьянского правительства Туркестанского края.

Все Советы края и революционные железнодорожные комитеты края выделяют сейчас же своих уполномоченных на предмет немедленного проведения настоящего декрета в жизнь, организации подвоза всего хлопка к станциям и немедленного его продвижения на ст. Ташкент. Ответственность за исполнение возлагается на председателей означенных организаций.

В случае противодействия владельцев—применять меры вплоть до расстрела на месте.

Председатель Совета Народных Комиссаров Туркестанского края Федор Колесов.

Секретарь Совета Павел Чегодаев“.

Декрет этот громовым ударом разразился над Ферганой, вся жизнь которой, как мы видели, до самых народных низов была основана на хлопководстве. Ошибка тов. Колесова была очевидна, тем более, что опубликование декрета вызвало ряд решительнейших протестов различных организаций. Поэтому, за отъезд Колесова в Бухарский поход,—в № 41 „Нашей газеты“ от 5 марта 1918 г. опубликованы следующие акты:

„Приказ по Туркестанскому краю. 2 марта 1918 года № 32.

Для проведения в жизнь декрета о конфискации хлопка, распубликованного в № 37 „Нашей газеты“ от 28/II—1918 года, при Совнарком Турккрая организуется Хлопковый отдел. Комиссаром по хлопку назначается тов. Шмидт, который для этого кооптирован в СНК.

— Председатель СНК—Успенский. Секретарь Совета—П. Чегодаев.“

„Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. 2 марта 1918 г. № 34.

В дополнение об'явленного в № 37 „Нашей газеты“ от 28/II—1918 года декрета о конфискации хлопка—об'является для руководства, что дальнейшее проведение в жизнь этого декрета будет выполняться каждый раз исключительно по указанию Комиссара хлопка, через ЦК Хлопмасмыл.

Интересы мелких крестьян декханов—будут соблюдены.

За председателя Сов. Нар. Ком. Агапов.

Секретарь Совета Павел Чегодаев“.

Всем, кто помнит эпоху расцвета „власти на местах“, а особенно в Ферганских условиях, при отсутствии связи, возможности связаться с ЦК Хлопмасмыл и т. п.—совершенно ясно, что из трех приведенных актов исполнялся только первый, тем более, что прочие два не имели подписи—Колесова. До какого произвола могли дойти местные власти, опираясь на злополучный декрет от 28/II, какая широкая возможность открылась для сведения личных счетов (особенность Востока) и всевозможных злоупотреблений—легко себе представить. Хлопководство мелкое, к которому приходилось длительно приучать консервативного по существу декханина—было этим декретом совершенно уничтожено.

Не смотря на малый урожай—на руках хлопководов, особенно же у мелких хлопкоробов, остались значительные количества волокна, так как уже урожай 1916 г. не был полностью скуплен и вывезен не был.

Выше мы подробно указывали, насколько Фергана нуждалась в привозном хлебе и мясе (из России и Семиречья); Оренбургская пробка отрезала надежду на вывоз хлопка и привоз хлеба. Туркестану грозил голод. Оренбургский фронт (хлебный) был оценен правильно и на него брошены первые силы. Но вместо Дутова пришли Чехословаки, потом снова Дутов, потом Колчак...

Следовательно, хлеб, кроме незначительного количества, буквально добытого кровью отрядов Продиректории и Красной гвардии Актюбинского района—получить было неоткуда. Мясо, пригонявшееся из Семиречья, тоже исчезло, так как суровая зима 1917—1918 г. и гололедь весною 1918 г. вызвали громадный падеж скота у кочевого населения. Голод, самый неприкрашенный голод охватил север Туркестана, загля-

нул и в Фергану, не пощадил и Ташкента, $\frac{2}{3}$ скота погибло, смертность среди киргиз дошла до 30%, взрослого населения, а были районы, где вымерло до 75% жителей.

И здесь вдобавок к стихийным бедствиям—декрет о хлопке, уничтожающий последнюю валюту, оставшуюся в руках хлопкороба и именно мелкого.

Хлопок, стоивший раньше в три раза дороже самого лучшего привозного хлеба, теперь ничто, так как твердая цена, объявленная на хлопок, не могла меряться с быстро взвинчивающимися ценами на местный хлеб. Многие с голоду идут в город—и здесь видят странную картину. Хлеб (закупленный с великим трудом на Кавказе или доставленный из Тургайской области)—распределяется по карточкам только в новых (русских) городах, для европейского населения. Кишлачник же—парий, ему остается только умереть.

— В делах судебных органов того тяжелого времени есть несколько дел по зарегистрированному людоедству.

* * *

Хлопковый декрет и отсутствие хлеба привели к следующему: вместо 348.000 десятин засева 1916 года и 153.000 десятин 1917 г. (влияние разрухи транспорта и т. д.), в 1918 г. зарегистрировано 51.000 десятин. И это еще до развития басмачества. Последнее только довершило разруху, родившись в момент перехода от хлопковой культуры к прежней культуре хлеба. Почва для развития движения—и раздражение народных масс, и главари движения—были налицо. Лозунги носились в воздухе, не хватало основы—солдат. Они появились весной 1918 г., когда население перешло на засев хлеба. Выше мы говорили о количестве рабочих рук, нужных для обработки десятины хлопка, для засева же пшеницы, риса и других злаков довольно 3-х годовых рабочих на 5 десятин, причем обычно число рабочих рук в семьях позволяло большинству декхан обойтись вовсе без наемного труда. Прибавим к этому безработных арбакешей, скупщиков, рабочих приостановившихся хлопковых заводов,—желдорозных грузчиков—и мы получим тот людской резервуар, откуда движение черпало главным образом свои силы. Точно подсчитать число выброшенных кризисом за борт обычно бездомных людей, нельзя,—но можно предполагать, что число их весьма велико и доходит до нескольких десятков и даже сотен тысяч человек.

Сафаров приводит цифру безработных (считая, однако ее преувеличенной) в 400.000 чарикеров, 300.000 обезземеленных декхан и 50.000 рабочих ставших заводов—всего 750.000 человек.

Кто же явился для басмачества кадром, в который влилось людское пополнение? Кто стал вождем? Какие лозунги собрали басмаческую силу, которая и посейчас еще не уничтожена?

Обратимся опять к политике и проследим ход Кокандских событий.

Расстрел манифестации 13 декабря, хотя и вызванный провокационной работой контр-революционных сил—оставался все же фактом¹⁾;

¹⁾ Автор несомненно преувеличивает и абсолютное, и относительное значение этого частного эпизода гражданской войны.

непризнание IV с'ездом советов в Ташкенте полномочий Кокандского с'езда, и следовательно, изданных им актов и выбранного „автономного правительства“. (Приложение № 1); создание в Коканде параллельного мусульманского рабочего с'езда (с 26 декабря 1917 года) и выявление лица „чрезвычайного с'езда“, как буржуазного, не имевшего вовсе представительства от совдепов, и крайне ограниченное представительство от городских самоуправлений—и, наконец, перевыборы Кокандского Совета, во главе которого до конца 1917 г. стояли меньшевики,—все это показывало ясно, что соглашение достигнуто быть не может.

Совет Народных Комиссаров готовился к борьбе, но перед ним стояли гораздо более страшные враги: Дутов и голод на севере и казачьи эшелоны у Самарканда.

Поэтому СНК, отвергший вхождение в свой состав представителей коренного населения и ставивший в первую очередь борьбу против русской контр-революции—ошибочно отложил вопросы автономии „на после“. Это несомненно имело большое значение для укрепления среди населения взгляда на власть Советов, как на чисто русскую власть. А между тем правильной постановкой этой национальной проблемы можно было бы отвлечь огромную часть туземного населения из-под влияния туземной контр-революции, чтобы оно перестало смотреть на борьбу с казаками, как на внутреннее русское дело.

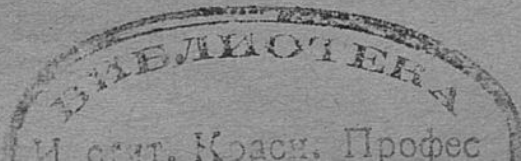
В глазах несознательных масс населения Соввласть в Ташкенте и автономное правительство в Коканде враждовали не на классовой почве, как это было по существу, а на национальной, что облегчило положение врагов советской власти.

Борьба должна была привести к вооруженному столкновению: это прекрасно учли обе стороны. Формирование Красной гвардии начато еще с конца октября и к 5 декабря получило окончательную систему; 26 января 1918 года начато образование Красной Армии на добровольческих началах. Широко применялась также система создания партизанских отрядов и привлечения партийных дружин (зловещую известность приобрели армянские дружины партии „Дашнакцутюн“, особенно многочисленные в Фергане).

Мы уже говорили о слабости пролетарской базы в Туркестане. В Красную гвардию имели право поступления все граждане, объединенные в профорганизации; в Красную армию доступ первое время был еще легче. Дисциплины в частях в первое время было еще меньше, чем в центральных губерниях РСФСР, а это между тем были единственные войска в руках Советской власти.

Кокандское правительство, правда, было еще в худшем положении. У него не было даже обученных кадров, военно-образованных начальников и оружия. Но последнее затруднение было самым удобоустраняемым. Кокандцы были богаты; в их распоряжении были капиталы объединенной буржуазии, а за деньги—оружие можно было купить в изобилии, так как стихийный развал частей старой армии сопровождался в Туркестане, также как и всюду—массовой распродажей вооружения и снаряжения.

Во главе формируемой мусульманской армии стал русский офицер-мусульманин—Чанышев. В качестве кадров привлечены были все

вооруженные и организованные разбойничьи шайки, никогда не переводившиеся окончательно и сильно разросшиеся за бурный и безвластный 1917 год.

Монстров, командующий крестьянской армией Ферганы, речь о котором будет ниже, говорит о них в своем докладе:

„Протестующие не могли не искать вооруженной силы; шайки Ахунджана, Хал Ходжи и т. д., состоящие из конокрадов, кумарбазов (игроки в кости и азартные игры), грабителей, но представляющих известную боевую силу“.

„Махкам Ходжа, например, принадлежал к семье, которая занималась грабежами и разбоями уже три поколения. Тогда же на сцену выступил и Иргаш, уголовный преступник, выбранный н-ком Кокандской милиции“.

Наличие крупных разбойничьих банд, двигавшихся к Коканду, для поддержки автономного правительства и их „сущность“ лучше всего подтверждается донесением Ново-Кокандского Совета („Наша газета“ от 19 января 1918 года) о том, что 11 января на город двигалась шайка разбойников в несколько сот человек, которая по дороге грабит кишлачное население. 12 января правительственный отряд, высланный против них, подвергся нападению при въезде в кишлак Ташат в 10-ти верстах от Коканда. Бой продолжался весь день; басмачи последовательно оборонялись в трех кишлаках, пока не были разгромлены, потеряв 20 убитых и 18 арестованных; потери Кр. гвардии—1 убит и 2 ранено.

По мере сбора сил—отношения обострялись и к началу февраля Новый Город, опираясь на крепость, во главе с предводителем т. Бабушкиным, выставляя сторожевое охранение против Старого Города и мусульманской армии автономистов. Но Ташкент был еще связан с Самаркандом. К 17-му февраля (н. ст.) казаки были разоружены и отряды Красной Гвардии из Ташкента и Самарканда устремились к Коканду, где уже третий день шел форменный бой.

Официальный орган „Наша газета“ 19 февраля публикует следующее:

В Ферганской области происходят грабежи населения, раз'езды вооруженных банд раз'езжают по области. Революционная демократия в целях борьбы с этим об'являет:

- 1) С 14 февраля Ферганская область об'явлена на военном положении.
- 2) Воспрепятствуются всякие митинги и шествия как вооруженных, так и невооруженных.
- 3) Нарушение настоящего распоряжения будет встречено артиллерийским и пулеметным огнем“.

После переговоров „о мире“, в 11 ч. 20 мин. утра 19 февраля—„войска“ Кокандского правительства, состоящие из разбойничьих шайк, наемных персов, таджиков и мобилизованного насильно населения Старого города, густыми колоннами двинулись на крепость и жел.-дорожную станцию. Встреченные огнем 12 орудий и многих пулеметов и контр-атакой Красной Гвардии, войска автономистов бежали. За ними бросились неорганизованные и недисциплинированные отряды Перфильева...

В своем опубликованном в „Нашей Газете“ от 6 марта устном докладе Ташсовету Перфильев говорит:

„Необходимо было во что бы то ни стало преследовать те остатки вооруженных мятежников, которые уцелели от нашего огня и которые

направились вглубь края, но в среду наших отрядов проник психоз к захвату чужого, которое в таком огромном количестве было захвачено в городе“...

„Наше дело еще не закончено, так как бежавшие банды не замедлят поднять восстание где-либо в другом месте. Есть сведения, что они ведут пропаганду повсюду, призывая к борьбе с русскими, которые избивают яко-бы туземцев“.

И в самом деле, Иргаш ушел с 30 джигитами в Кокандский уезд, Ахунджан и Хал-Хаджа в Маргеланский район. Пополненные новыми элементами, оттиснутыми ходом гражданской войны, положили начало басмачеству, под флагом борьбы против русских за автономию.

* * *

Распространению ложного представления о „войне русских с мусульманами“ значительно способствовал неудачный поход-налет Колесова на Бухару, вызвавший ответный взрыв религиозного фанатизма и национальной ненависти, завершившийся разгромом постов пограничной стражи по Аму-Дарье, сожжением русских пристанционных поселков, выселением из Бухарских пределов в Ташкент 10.000 беженцев и другими ужасами и опустошениями гражданской войны.

Прибытие чрезвычайного полномочного представителя Совнаркома РСФСР и ВЦИК в Средней Азии тов. Кобозева, прорвавшегося в Туркестан к 10 апреля 1918 года после удачных операций против Дутова, резко изменило ориентировку Туркестанского правительства.

Приняв единоличное управление краем, Кобозев созывает 5-й Чрезвычайный съезд Советов (отчет о нем весьма интересен и заслуживает глубочайшего внимания) и 30 апреля 1918 года декретируется наконец долгожданная коренным населением автономия. Туркестанский край объявлен Автономной Советской Социалистической Республикой, входящей в состав Российской Советской Федерации.

Автономные лозунги должны были по существу после этого отпасть, но действительность повела к дальнейшему обострению, продолжавшемуся в течение всего периода отрыва от центра и особенно ярко выжившему к ранней осени 1919 года.

* * *

13 июля на заседании Турцика и Совнаркома, созванном в виду угрожающего положения Республики (Асхабадские неурядицы, нажим казаков с севера, отсутствие боеспособной армии и т. д.), Колесов, касаясь Ферганы, указал, что „разбойничьи шайки разогнаны, но еще не ликвидированы“, а обычно выражавшийся очень образно тов. Тоболин заявил: „Есть древнее выражение: „царь, помни об афинянах“, и нам приходится сказать себе: „Республика, помни о Фергане“. Надо теперь и в первую голову покончить с Ферганой“.

Начался новый период вооруженной борьбы, сопровождаемый углублением розни.

На том же заседании, из речи Джурабекова видно, что стремления масс коренного населения удовлетворены не были: „С автономией вы нам

ничего не дали и не даете; нам надо, вместо того, чтобы сидеть вместе, раз'ехаться для организации мусульман по кишлакам". Здесь же встречаются и жалобы на карательные отряды: „В Коканде армянские дружины грабят мусульманский кишлачный пролетариат во время набегов разбойников и шаек Иргаша, отвечая им выстрелами за 50 верст. А потом протестуют перед Военным комиссаром, что им не дают взять в кишлаке одеяла“.

В докладе Турцику от 23 ноября 1918 года Турквоенкомат, рисуя общее военно-политическое положение РСФСР и ТССР, указывает: „Значительную помеху и беспокойство доставляет Республике шайка разбойника Иргаша, оперирующая главным образом в Фергане, но вероятно этой шайке скоро будет положен конец“.

Конца, однако, не было видно. С одной стороны, лучшие и наиболее организованные военные отряды Республики поглощались наиболее угрожающими Асхабадским и Актюбинским фронтами, почему в Фергане „ликвидация“ велась самым кустарным образом, выродившись в неорганизованные контр-набеги малочисленных местных красноармейских отрядов, опиравшихся на города и желдорогу.

С другой—басмаческий стан стал пополняться новым элементом по мере разрушения хлопковой промышленности. По отзыву Монстрова „непродуманный переход к социализации производства, передавший заводы в руки несознательных и зараженных идеями дележа завкомов, подорвал таковые. А проведенная вслед за социализацией национализация—выдвинула бесконтрольных комиссаров, которые при полном политическом безлюдьи были в большинстве авантюристами, не связанными с интересами предприятий и значительно уклонившиеся в сторону личного обогащения“.

Власть на местах захватывалась самими темными элементами, с преступным прошлым. На ответственные должности зачастую выдвигали также лиц, совершенно чуждых новым идеям. Так, комиссаром Земледелия области был одно время статский советник (быв. управляющий государственными имуществами), Председателем Совдепа—бывший уездный пристав и т. п.

Особенно много отрицательных фактов произошло на почве столь излюбленных на Востоке личных счетов (см. приложения №№ 3 и 4), что привело к созданию новых шаек и появлению в Маргеланском районе Мадамин-бека, бывшего начальника Маргеланской угормилиции.

Басмачи, сохранившие еще свои националистические лозунги, с особенной яростью набрасывались на русские поселки, при чем интересно отметить, что инициатором нападения шайки Ахунджана на русский поселок Кетмень-Тюбе явился некто Мад-Мусса-Саркер, активный участник восстания ишана Мадали в 1898 г.

Советская власть того времени распространялась только на города, станции железных дорог и прииски.

В кишлаке полными хозяевами были басмаческие организаторы, а происходившая под влиянием голода и хлопковой монополии замена хлопковых посевов засевом хлебных злаков, выбрасывала кадры безработных в их об'ятия.

Нападение Хал-Ходжи на крестьян Куг-Артской долины и невозможность получить защиту от городов (летом 1918 года по всей Фергане числилось только еще 444 человека вооруженных красноармейцев и красногвардейцев) привели к вооружению крестьян и созданию „Крестьянской Армии“.

ГЛАВА IV.

1918 — 1919 г.г.

До соединения с центром.

Краткое ознакомление с историей образования и развития крестьянской армии необходимо для понимания эволюции ферганских настроений, которые за период 1918—1920 г. прошли путь от национальных лозунгов автономии и борьбы с русскими до союза с русскими и борьбы политической против Советской власти и далее к лозунгам религиозным.

Как указано выше, основным стимулом вооружения крестьян была слабость правительственной власти и безнаказанность нападений басмаческих отрядов, из которых особой непримиримостью отличался Хал-Ходжа.

9 июля 1918 года, приказом Облисполкома, Фергана об'явлена на военном положении, в виду усиления деятельности Иргаша и Хал-Ходжи.

12 июля Совет Джелаль-Абадского района на расширенном заседании постановил организовать народную армию Джелаль-Абадского района (самооборону), для чего произвести учет всех жителей русских поселков района от 18 до 50 лет, оружия, шанцевого инструмента и т. д. и избрать командующего и штаб армии, каковым передать всю полноту власти в районе. Председателем штаба (он же временно командующий армией) избран председатель Совета Степан Валяев...

Армия эта состояла из отрядов, выделявшихся отдельными поселками, отряды составляли 4 полка, несшие службу по очереди, в течение 3-х месяцев, соображаясь с сельско-хозяйственными условиями разных поселков. Прочие солдаты составляли резерв, вызывавшийся по мере надобности.

Армия была узаконена Краевой Советской властью: 4 декабря 1918 г. военный комиссар Республики Осипов отдает приказ по Феробласти, которым н-ком военного штаба Джелаль-Абадского района назначается тов. Купленников. Приказ этот явился следствием посещения Ферганы Верховной Коллегией¹⁾, создавшей наконец к 7 декабря 1918 г. орган, имевший целью организацию и ведение борьбы с разбойниками в области в лице Оперативного штаба при Ферганском Областном Военкомате.

¹⁾ Коллегия состояла из 3 лиц: Фигельского—Предсовнаркома, Войтинцева—Предтурчик и Осипова—военный комиссар, при чем первые двое были впоследствии убиты Осиповым при его восстании.

Составляя часть вооруженных сил, противопоставленных басмачам, подчиняясь оперативному штабу и получая от него кредиты и вооружение, Крестьянская Армия по своей сущности совершенно отличалась от Красной Гвардии и Красной Армии.

Лучше всего ее сущность вскрывается некоторыми документами, полученными Военно-Историческим Отделением Штаба Туркфронта из Дмитровского Сельского Совдепа: „Постановление заседания Военного Совета Джелаль-Абадского Штаба Крестьянской Армии (верховного органа ее) от 2 декабря 1918 года.

§ 1. Крестьянство формируется в армию путем мобилизации с целью предотвратить туземную опасность, грозящую ему в виде национальной вражды, выразившейся в набеге существующих ныне разбойничьих шаек, не преследуя иных целей, как самозащиту“.

Отношение к Соввласти по вопросам экономической и внутренней политики определяется следующими документами:

Протокол № 119

Джелаль-Абадского районного Совета Крестьянских и Мусульманских Депутатов, 30 июня 1918 года, в числе 28 русских и 17 мусульман.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

2) Вопрос о реквизиции разных зерновых хлебов урожая сего 1918 г. Большинством голосов, против 3-х воздержавшихся, реквизицию в Джелаль-Абадском районе не допустить вплоть до 1-го сентября. В случае же, если окажется излишек хлеба, то обменять таковой на предметы крестьянского обихода.

3) Вопрос о допущении на зажиточных крестьян и мусульман безотчетных налогов. Никаких налогов, как на зажиточных крестьян, так и на мусульман не допускать, кроме налогов государственного характера и на содержание личных организаций.

17 июля 1918 года Председатель Джелаль-Абадского районного Совета Степан Валяев присылает за № 146 в село Дмитровку следующий любопытный документ.

„В район является масса организаторов всевозможных комитетов и советов и т. п., которые часто бывают с подложными мандатами, ездят для той цели, чтобы им поживиться на наш мужицкий счет, и чем-нибудь еще окопачить.

А когда мы и дети наши были голодны, то никто не спросил: есть ли у вас хлеб и семена для посева. А теперь увидели, что у нас появился хлеб, то эта саранча не дает нам покоя, которая много говорит, но ничего не делает.

Крестьяне, не принимайте у себя никого без моей подписи на мандате. Вы облекли меня доверием и я стою на страже ваших интересов. Гоните от себя их в три шеи.

Председатель Совета Ст. Валяев.

Секретарь Бутник“.

Понятно, что при таком собственническом составе и настроении Крестьянская Армия была армией кулацкой и представляла силу, с которой рано или поздно пришлось бы столкнуться Советской власти, но пока что зимой 1918/1919 г.г. и весной 1919 года операции против Мадамина, Хал-Ходжи, Ахунджана и других происходят зачастную совместно.

Отношения начинают портиться с февраля 1919 года, когда для окончательного объединения ферганской борьбы создан штаб Ферганского фронта с разделением области на боевые участки. Штаб фронта, оценив по существу крестьянскую организацию, как могущую вооруженной рукой воспротивиться предполагавшимся земельным реформам и проведению хлебной монополии, пытается ее ослабить различными мерами, но неизменно терпит неудачу.

14 мая помкомфронта Коновалов требует мобилизации и прибытия в Андижан в трехдневный срок 1000 человек крестьян, на что получает мотивированный отказ; в конце июля Сафонов пытается обезоружить армию и арестовать штаб, но быстрый сбор отрядов спасает Монстрова, стоящего уже во главе армии.

Настроение обостряется, тем более, что неизбежность хлебной монополии и разоружения становятся очевидными.

С другой стороны действия отрядов Красной Гвардии, Красной Армии и армянских дружин настолько плохи в серьезном бою (Мадамин разбил их у Балыкчи и Кокан-кишлака, взяв два орудия и два пулемета) и сопровождались такими эксцессами, что Мадамин-бек (или его окружающие) постепенно почувствовал правильную для него линию поведения. Он стал бороться „за порядок“, одинаково нападая и на Красную Гвардию и на разбойничающих джигитов Хал-Ходжи, какового арестовал, с позором возил на лошади лицом к хвосту и держал в тюрьме до 4-х месяцев¹⁾, и совершенно прекратил налеты на район, защищаемый Крестьянской Армией.

Монстров в своем докладе упоминает вскользь, что „Крестьянская Армия стала приглядываться к Мадамину еще с весны 1919 г.“ В делах Дмитровского исполкома имеются более точные данные: „5-го марта 1919 г. на 3-й Крестьянский съезд Джелаль-Абадского района явилась из Ташкента особо чрезвычайная комиссия, член которой, тов. Волжанский, заявил, что крестьянин села Воздвиженского, Тарасенко, на митинге рабочих ст. Андижан Ферганской железной дороги, сказал, что Крестьянская Армия склонна к соглашению с разбойничьими бандами против Советской власти“.

В течение лета 1919 года произошло изменение ориентировки: две до сих пор силы — басмачи Мадамин-бека и кулаки крестьяне Монстрова — на основе общности анти-пролетарских интересов и отчасти под влиянием политических ошибок и экономических мероприятий Соввласти соединились вместе и создали противосоветский, белогвардейский фронт. Подробности изложены в приложениях №№ 6, 7, 8; здесь мы приведем только основные пункты постановления 22 августа 1919 г. Военный Совет Крестьянской Армии в составе 10 представителей от каждого отряда и при участии председателя и членов Джелаль-Абадского исполкома и

¹⁾ За это в мае 1920 г. Хал-Ходжа перерезал Мадамин-беку горло, под видом мести за измену исламу.

штаба, мотивируя свое решение неумелым ведением дел, диктатурой партии, отображением оружия и хлеба и отправлением крестьян на „братоубийственные политические фронты“ постановляет:

- 1) Отстранение и пере выборы всех советов с предоставлением мусульманам половины мест.
- 2) Свобода труда, передвижения и торговли, образования, слова и печати.
- 3) Свобода школы.
- 4) Упразднение охранных отделений, ныне именуемых Особым отделом, ЧК и упразднение политических комиссаров.
- 5) Введение независимого народного суда вместо зависимых трибуналов.
- 6) Отмена хлебной монополии (в подлинном документе выделено жирным шрифтом).
- 7) Возвращение крестьян с политических фронтов.
- 8) Военнопленные, находящиеся в Туркестане, возвращаются на родину, сдав оружие штабу Крестьянской Армии.

„Права и требования свободного крестьянства, в случае нужды, будем защищать силою оружия“.

Далее следует § 2-й „Предложение предводителя мусульманских отрядов Мадамин-бека, присоединиться к Крестьянской Армии, принять на следующих и главных основаниях:

- 1) Подчинение мусульманских отрядов Штабу Крестьянской Армии с командующим во главе.
- 2) Мадамин-бек дает своих представителей в штаб не более одной трети.

Мадамин эти условия принял, сообщив Монстрову письмом, где именует себя „Командующим мусульманской белой гвардией“, что „моя цель свергнуть власть большевиков, передать ее истинным представителям народа, избранным на основании всеобщего, равного, тайного и прямого голосования“.

Военные действия не замедлили вспыхнуть. Монстров и Мадамин-бек 8 сентября взяли Ош, к ним немедленно примкнули гарнизоны Гульчи, Иркештама и части Памирского отряда, что обеспечило связь с Кашгаром и русским консулом Успенским. Комферфронтом Сафонов бросился на встречу во главе 500 человек, но был заперт в Араванском ущельи и после трех дней боя прорвался на Ниукат—ст. Федченко, потеряв 70 человек. Спасением своим он обязан „необъяснимой“, по мнению Монстрова, ошибкой командовавшего отрядом быв. офицера Кучукова¹⁾, не закрывшим пути Араван—Наукат.

Восставшие бросились тогда к Андижану, где с 21 сентября разгорелся упорный и решительный бой, причем Монстров потерпел полное поражение, которое он объясняет недисциплинированностью мусульманских отрядов. На самом деле причины были глубже. Агитация Казанского полка, защищавшего Андижан—разложила главную массу крестьян и они в ночь на 23 сентября бросили окопы и хлынули домой. Само крестьянство чувствовало, что совершает роковую ошибку, что бесхит-

¹⁾ Сторонник Соввласти, играл большую роль впоследствии в Муэтдиновском вопросе.

ростно изложено в приговоре жителей поселка Дмитровка — (См. приложение № 9).

Не малую роль сыграли и личные счеты курбашей—дравшихся вследствие этого на разных сторонах—как Ахунджан с красными против помощника Мадамина Сали Маг Зума.

К вечеру 23-го сентября соединенные силы Монстрова и Мадамина были в полном отступлении на Ош. Из 800 человек крестьян—осталось не более 50, полторы тысячи аскеров же Мадамина соединились целиком и даже по дороге усилились до 2000 человек.

Поэтому Монстров должен был уступить фактическую власть Мадамин-беку, имевшему реальную возможность продолжать борьбу. Но для объединения распадающегося союза и изыскания помощи извне—в ноябре 1919 г. явочным порядком создается в Гульче—„Временное Правительство Ферганы“, при деятельном участии Российского консула в Кашгаре Успенского, приславшего 18 ящиков патронов и обещание своего английского коллеги поддержать оружием, снаряжением и деньгами.

Временное правительство из: Мадамина Ахмедбекова—председатель и командарм мусульманской армии, Монстрова—тов. председателя и зав. политотделом, Ненсберга (известного Скобелевского адвоката)—заведыв. отделом юстиции и внутренних дел, Хакаманджана Азисханова (крупный хлопковый торговец)—заведыв. финансами—и генштаба ген.-майора Муханова (б. Начальник Памирских постов, б. военный агент в Греции)—заведыв. военным отделом в тылу (Памиро-Алай)—на которого были возложены все переговоры с Кашгаром.

Период Временного правительства интересен в двух отношениях. Резко выказалась невозможность объединения курбашей кем-либо из мусульман и выявилась необходимость перемены лозунгов, чем занялись круги панисламистов, вовлекая в Ферганские дела представителей Афганистана.

Мы обладаем характернейшим документом, заявлением 28 курбашей, во главе с Ахунджаном¹⁾ и Хал Хаджей, поданным Временному правительству 18 ноября 1919 года: „Мы, все курбаши, солдаты и аскеры—Магомет Амин бека Ахмедбекова главным вождем не признаем, потому что он многих из нас много раз разоружал, он нас сильно оскорблял и обижал. Меня Хал Ходжу Ишана, посадив на неоседланную лошадь возил, 4 месяца держал под арестом, много мне причинял оскорблений.....

.... Во главе власти должен быть русский. В этом случае будем работать в согласии. Если же кто-нибудь из нас, мусульман, будет старшим, то между нами всегда будут ссоры и мы никогда большевиков не победим“.

Положение было учтено и для придания единения и освящения власти Мадамина—на сцену появляется таинственный Афганский полковник. В декабре 19 года Монстров был неприятно поражен, увидев у ставки командарма зеленое знамя с полумесяцем и звездой на древке“.

Появлению знамени и перемене ориентировки—не на русских (Мадамин еще в ноябре писал: „я могу работать только совместно с рус-

¹⁾ Ахунджан, разбивший Сали Магзума под Андижаном 23 сентября, уже успел уйти от красных, как только был поднят вопрос о переброске его отряда на Закаспийский фронт.

скими), а на религиозную почву—предшествовал ряд закрытых совещаний без участия Монстрова и других и поездка к влиятельному Ишану, провозгласившему Мадамина „верховным вождем мусульманских отрядов“. Афганский представитель настаивал на вручении ему письма Эмиру Афганскому с просьбой принять Туркестан, и в частности Фергану, под его „высокую руку“—за что обещал 500 шт. однозарядных винтовок и 180.000 патронов к ним.

Все попытки сохранить единство не привели к желанным результатам. Монстров и русские почувствовали себя лишними, Иргаш и вновь перекочевавший к красным Ахунджан и ряд других курбашей продолжали вести самостоятельную политику и грабить за свой страх и риск.

Главным же, решающим фактором в перемене положения—было прибытие представителей Центральной Советской Власти и прекращение разгула местной власти на местах, который принес самые тяжелые последствия и вызвал к жизни многочисленные басмаческие отряды.

Новые веяния, беспощадная чистка „примазавшихся“, установление курса „на коренное население“—не могли не подействовать на Монстрова и Мадамина, при чем на последнего большое влияние оказало прибытие в Фергану Татарской стрелковой бригады, укомплектованной исключительно мусульманами Приволжских районов. Появление этих мусульманских центральных войск явилось ярким доказательством действительного проявления Соввластью провозглашенных лозунгов, что подчеркнуло разницу с прежними взглядами Туркестанских вождей, выражавших упорное нежелание довериться коренному населению и строить национальные части.

Курс действительной Советской власти не мог не оказать своего влияния. Монстров в письме к Ферганскому командованию пишет: „Из сведений, поступающих к нам от разных лиц, бывших в городах, усматривается, что Советская власть за последнее время круто изменила приемы управления страной... Таким образом теперь Советская власть устранила те причины, которые заставили крестьян выступить с оружием в руках.

..... И если теперь власть стала на этот путь, я не считаю себя в праве продолжать войну“. После переговоров об условиях—Монстров 17 января 1920 года перешел в расположение 2-й Татарск. Стр. п. (ныне 11 Турк. стр.) и прибыл в Ташкент, где имел длительный доклад РВС фронта.

После военной борьбы с переменным успехом (так под Гарбуа с 4 по 6 декабря 1919 г. Мадамин нанес Красной Армии серьезный удар)—под натиском дисциплинированных Центральных войск выбитый с политических позиций, оттесненный в лишенный продовольствия район, потерявший фактическую власть над разрознившимися отрядами—Мадамин последовал примеру Монстрова. Заявив, что он выступил не против Советской власти, а против недостойных и преступных ее представителей—он вступил в переговоры с Начдивом 2-го Турк. стр. дивизии Веревкиным-Рохальским и 6 марта 1920 года заключил мир, радостно встреченный в Ташкентом и Ферганой.

Период 1918 и 1919 года создал басмачество. Разрозненные разбойничьи шайки, собравшиеся вокруг Кокандского правительства, создали его кадры. Все видные курбаши, до сегодняшнего дня еще оперирующие

в Фергане—вышли из рядов этих шаек. Экономический крах и преступная личная, авантюристическая политика многих „примазавшихся“, грабежи и насилия неорганизованных войск, а самое главное для этого периода—колонизаторский и националистический уклон Туркестанского правительства—дали массу озлобленного пополнения для басмаческих отрядов.

Лозунг—„защиты ислама“ брошенный афганским полковником—был подхвачен, лозунг этот заменил и руссофобство и белогвардейство и пышно расцвел в 1920 году.

Для полноты характеристики остановимся на военной оценке Ферганского фронта с точки зрения Главного командования Туркеспублики и на состоянии вооруженных регулярных сил, численность которых в Фергане к октябрю 1919 года представляла 14,6% всех вооруженных сил. Кроме Красной гвардии (до 1000 чел.) и мелких отрядов (до 400—500 чел.) в ведении Ферганского фронта состояло 2219 бойцов пехоты, 439 кавалеристов, 20 пулеметов,—всего 2712 чел.

Составленный Начальником Главного Оперативного Штаба П. В. Благовещенским и доложенный Главкомом Беловым 8-му с'езду Советов 10 сентября 1919 года доклад, так оценивает общее положение:

„Обстановка была такова: рабочий пролетариат, создатель и опора Советской власти, был конечно всецело за свою диктатуру и власть. Крестьянство еще не вполне уяснило требования момента, особенно крестьянство среднее, и стояло на распутьи. Туземное декханство было вполне инертно. Но зато европейская и туземная буржуазии об'единились и вполне организованные ею вспышки сопротивления диктатуре бедноты и ее правительству—происходившие не только в корне, в гнезде, Фергане, но и в других частях республики“. Определив совершенно правильно создавшиеся фронты—на первом месте фронт Актюбинский—отрезавший Туркестан от хлеба и главное, от базы—Центральной России, на втором—фронт Закаспийский, отрезавший республику от существенно необходимой нефти и угрожавший политически, доклад говорит:

„Фронт Ферганский имел характер чисто внутреннего фронта и его ликвидация имела главное значение—хозяйственное, мы получили бы возможность реализовать ферганский запас хлеба, несомненно весьма значительный и сохранили бы промышленность и инвентарь, теперь нещадно уничтожаемый“.

„Ферганский фронт—это наш внутренний фронт, там нет против нас тех организованных к-р сил, с которыми мы имели дело на других фронтах. Нашими противниками являются автономисты, мусульмане, представителем коих можно считать Иргаша, обыкновенные разбойники вроде Ахунджана и Хал Ходжи и откровенные контр-революционеры: налрим. Мадамин Бек и просто спровоцированные незначительные люди, вроде крестьянского населения Кургатской долины. Зачастую разнородные элементы, борясь против нас—ведут борьбу и между собой.

..... Я затрудняюсь изложить Вам последовательный ход военных операций на Ферганском фронте. Они состоят из непрерывных разведок, непрерывных походов, непрерывной слежки за намерениями басмачей и воспрепятствования им проводить неоднократные нападения, которые они обдумывают в своих глухих углах и потайных убежищах“.

Указание на возможность реализовать Ферганский излишек хлеба—находится как бы в противоречии с тем, что мы говорили в главе 2-й,

но ведь к осени 1919 года засевная революция уже произошла. Хлопок был заменен хлебом и излишки безусловно имелись. Подобный же пример мы видим и в Бухаре, где после кризиса 1917 г.—к 20 году хлебные излишки достигают нескольких миллионов пудов.

Состояние армии может быть охарактеризовано докладом специальной комиссии Турдика и РВС по очистке 1-го Закаспийского Кавполка от 18 июня 1919 г., при чем, надо отметить, что Ферганские части были по своей нравственности еще ниже Закаспийских.

„Собственно говоря в Туркестане армии в настоящем смысле слова нет и до тех пор, пока принцип организации вооруженной массы останется неизменным—не может быть.

1-й Кав. полк представляет вооруженную банду, полнейший хаос, в которой и уголовный элемент и белогвардейцы чувствуют себя как нельзя лучше, развивая во всю ширь свою деятельность.

А между тем это еще не худший полк. Что вызывает все усиливающееся разбойничье движение в Ферлаге? Безвыходное положение несчастных земледельцев, которых грабят и разбойники и красноармейцы.

И вот беднякам, которые не в состоянии помочь себе сами остается немного выходов, или не получая помощи от настоящих представителей Советской власти умереть с голоду, или вступить в ближайшую шайку разбойников, или, что в их глазах равносильно записаться в Красную Армию.

Заниматься же честным трудом бедняку нет никакой возможности“.

Заключительным приговором разобранного периода может послужить мнение тов. Элиавы (председ. комиссии ВЦИК по делам Туркестана и члена РВС Туркфронта), переданное им по проводу из Ферганы 16 апреля 1920 года: „Здесь в смысле Советской власти абсолютно пустое место, а в коммунистическом—большая отрицательная величина. Повидимому, по всей Фергане придется разыграть Советский и партийный погром“, и по обыкновению ярко и точно сформулированный приказ по войскам Ферганской армейской группы, отданный тов. Фрунзе 23 мая 1920 г.: „Местная Советская власть первое время своего существования делала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население.

Власть захватывалась группами авантюристов, желавших половить рыбу в мутной воде. Вместо национализации производства шел открытый грабеж не только буржуазии, но и средних слоев населения. Вместо защиты мусульманского населения от баев—над ним чинились неслыханные надругательства.

Действовавшие здесь части красновардейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников трудового народа и революции—в орудие насилия над ними.

На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники—нет, главные силы басмачей составляют сотни, тысячи тех, кого так или иначе задела или обидела прежняя власть. Не видя нигде защиты, они ушли в басмачи и тем придали им небывалую силу.

Вместе с собой они принесли басмачам поддержку мусульманского населения...“

Указанная выше резкая перемена политики благодаря соединению с центром положила начало оздоровлению.

ГЛАВА V.

Соединение с центром.

Вторая волна басмачества.

Переход Мадамина, сдача Монстрова, очищение „власти на местах“, упорядочение вооруженных сил, изживание первых острых моментов перехода от хлопководства к хлебно-фуражным засевам, резкий поворот в сторону ориентации на коренное население, представители которого широко привлечены к управлению республикой—от Турчика и Совнаркома до низших советских и партийных ячеек—казалось бы должны были привести басмачество к окончательному крушению, тем более, что единственный крупный курбаши—Ширмат—не обладал ни организаторскими способностями, ни престижем, хотя бы приближающимся к престижу Мадамин-бека.

Между тем, басмачество снова ярко вспыхнуло в середине лета 1920 года и все ширилось и росло, представляя через год грозную опасность, с тенденцией перекинуться за пределы Области, окончательно подорвав ее экономическое благосостояние.

Перейдем к исследованию причин, вызвавших это, на первый взгляд необъяснимое явление, и мы увидим, что оно было совершенно логическим следствием ряда влиявших на него причин, внешних и внутренних.

Внешние причины. Выше уже сказано о перемене лозунга Мадамин-беком, принявшим зеленое знамя от какой-то таинственной афганской делегации. После перехода Мадамина знамя это было подхвачено его соперником Ширматом, упорным фанатиком, принявшим громкий титул „командующего войсками ислама“.

Тот же лозунг широко применялся в этот период бухарским эмиром. Став, в результате российских революций, самостоятельным владельцем, он готовился к решительной борьбе за сохранение своего деспотизма.

В ожидании неминуемого столкновения с Туркесреспубликой, эмир раздувал всеми доступными ему средствами (фанатическая пропаганда, золото, оружие) ферганский костер, желая оттянуть возможно большее количество войск Красной Армии от своих границ.

Он использовал опыт деда, который в 1866 и 1867 годах, чувствуя назревание конфликта с Ташкентом, пытался отвлечь силы и средства русских действиями своего полководца Рустем-бека в районе долины Ангрена и левого берега Чирчика. В изложении Терентьева (завоевание Средней Азии, том 2-й) эти действия представляют разительное сходство с действиями Ширмата и других крупных ферганских курбашей.

Сильное панисламистское влияние шло несомненно и из Афганистана, где в связи с победой, одержанной над Англией, об'явлением самостоятельности и вообще пробуждением идеи об'единения всех мусульман против неверных сказывались отзвуки борьбы, возглашенной Мустафой-Кемалем в Ангоре.

Нравственную и материальную поддержку имело басмачество и из Кашгара, где английское консульство было заинтересовано в закрытии границ, под предлогом опасности от басмаческих беспорядков, что создавало возможность вытеснить русские товары и, наконец, попытаться завоевать кашгарский рынок для индо-британской промышленности.

Причины внутренние: необдуманное проведение социальных реформ, не согласованных с основным базисом организации коренного населения—шариатом. Отделение церкви от государства, возможное в России, здесь оказалось невозможным по той простой причине, что шариат не столько религиозный, сколько юридический и общественный кодекс, определяющий до последних мелочей (как разламывать хлеб, есть пищу, спать и т. п.) всю жизнь правоверного мусульманина.

Как ясна бы ни была агитация о полном невмешательстве в религиозные верования и обычаи населения, любое мероприятие соввласти—как регистрация браков, отмена права наследства, земельная реформа, школа и т. п., вплоть до организации женотделов—неминуемо упиралось в шариат и являлось нарушением религии.

Особенно нетерпимыми распоряжениями были: трудповинность, продразверстка и запрещение частной торговли.

Надо сознаться, что значительная доля вины ложится в этот период на так называемых „центровиков“. Прибыв в Туркестан и бегло ознакомившись с тяжелым его положением, старыми замашками новых властей, действующих под именем коммунистов, центровики круто повернули руль.

В противовес чисто русскому составу правительства первого периода—с началом 1920 года выдвигается лозунг—дорогу представителям коренного населения. И здесь руководителями, товарищами из центра, допущена вторая ошибка. Не будучи достаточно научно подготовленными и не зная особенностей той страны, которую приехали реорганизовать, но имея большой организационный (и удачный) опыт центра, они склонны были преувеличивать возможности построения всего аппарата по центральному образцу. Обладая верным чутьем (земельная революция в Семиречьи, проведенная Сафаровым, в результате чего Семиречье единственная область, где нет басмачества), они зачастую проводили свои реформы слишком поспешно, не оценив пассивной сопротивляемости и консерватизма народных масс. Обратная сторона медали реформы тов. Сафарова общеизвестна; он сам ныне признал свои ошибки; „колонизатор“, летучее слово, пущенное с его легкой руки, принесло не мало вреда.

Ошиблись и в представителях коренного населения, „коммунистах“. Буржуазные круги, преимущественно торговые, единственные способные понять, хотя бы отчасти, значение совершившихся потрясений, решили найти выход из трудного положения. Нам лично известны случаи, когда на семейных советах наиболее пригодные для этой роли представители рода „назначались“ для поступления в партию. Там, пользуясь званием „партийного“, что в Туркестане давало одно время громадные преимущества и возможности, они ловко проводили свои имущественные дела,

мстили за старое, скрывали родных, покрывали знакомых и сводили в полном смысле этого слова на-нет все мероприятия Советской власти по экспроприации экспроприаторов.

В правительство проникли более опасные люди. Под маской „самоопределения“ и „автономии“ они проводили чисто националистическую и шовинистическую политику. Некоторые из них, как, например, Тюрякул Джуназаков, сумел войти в состав Совета Действия Народов Востока и перейдя впоследствии к басмачам, широко использовал свое звание и свои мандаты.

Когда открылись глаза—а это произошло к осени 1920 года,—то, наоборот, возникло предубеждение против представителей более культурных слоев коренного населения и многие призванные на ответственные посты, особенно на местах, считали своею обязанностью во что бы то ни стало слепо подражать центральным образцам. Вот к чему это привело: обратимся к статье т. Тюрякулова („Военная Мысль“. 1921 год, кн. 2-я, стран. III „Ферганская проблема“).

„Местные органы власти, которые не сумели даже втолковать панически настроенным гражданам о сущности трудповинности, начинали придумывать всяческие хитроумные способы для того, чтобы так или иначе заставить их воспринять „коммунистическое сознание долга“ в той форме, в которой понимал его, скажем, тогдашний председатель Исполкома... Устраивали облавы, окружали мечети, задерживали богомольных, но нетрудоспособных старцев и т. п., т. п. И что же? Нера обходилась дорожке свечек. Паника, наведенная арестом каких-либо трех-четыре-х сотен граждан, охватывала все городское население области и в результате все трудоспособные с ужасом уходили в кишлаки к басмачам. Получался определенный политический эффект не в пользу существующего режима, а контр-революционные группы, воспользовавшись удобным случаем, еще более усиливали всякого рода „слухи“ и делали свое злое дело. Слепые же руководители „власти на местах“ с важным видом говорили, что они де несколько не отстают от какой-нибудь Московской Коммуны“.

Прибавим от себя, что в представлении населения, трудовая повинность преломилась, как повторение 1916 года, с увозом сотен тысяч людей в холодную, голодную, далекую Россию.

Продразверстка, особенно в районах „опасных“, свелась к форменному грабежу кишлаков. Продорганы настойчиво требовали войсковой охраны; басмачи, в свою очередь, избрали продобозы излюбленным объектом для нападений.

Статистика, понятие об учете совершенно отсутствуют и составление всякого рода списков, конечно, упирается в шариат и ему как-либо противоречит. Поэтому, продорганы никакими точными данными не обладали. Определяли размеры разверстки по своему собственному произволу.

„В виду бездействия Ревкома, заведывающий ссыпным пунктом, совместно с баями Наманганского уезда распределил разверстку, которая легла на бедняков. Опродкомпродрай не интересовался, что делается на пунктах, учет не велся. Требуется извлечь из района 75.000 пуд. зерна, а Упродот отпустил всего 50.000 руб. В Кассанском районе созданы все сельские Исполкомы, все пятидесятники и часть населения. Выяснено, что разверстка легла исключительно на бедняков, которые, из страха перед баями, покупали на базаре 10—15 фунтов пшеницы и сдавали на

есыпные пункты, при чем ни расписок, ни денег не получали". (Из дел военкома 2-й Турк. дивизии за апрель 1921 года).

Принимая во внимание отсутствие жителей (или наличие двух-трех древних, не понимающих русского языка старцев), спешку и далеко не всегда наличие дисциплины и сознательности среди красноармейцев отряда, обычно полуодетых и плохо кормленных, можно себе представить, во что фактически выливался сбор продразверстки и каково было настроение населения по возвращении в свои опустошенные сакли.

Призыв в Красную Армию, проводившийся на местах, по свидетельству тов. Тюрякулова, такими же методами, как и трудновинность бросил в ряды басмачества новую громадную волну людского материала, которую можно лишь сравнить с массой, выброшенной за борт хлопковым Колесовским декретом.

До двух третей призванных, т.-е. до 20.000 человек, ушло в басмачи—сразу или постепенно, ежедневно перебегая с оружием в руках из запасных и полевых частей, в которые они успели попасть, или со сборных пунктов.

Наконец—мера, совершенно неприемлемая для коренного населения—заккрытие базаров, запрещение вольной торговли. Есть много донесений войсковых начальников, что именно эта мера превышала терпение населения и оно, призвав ближайшего курбашу, поднимало открытое восстание.

Надо было обладать полным незнанием Востока и его особенностей, чтобы решиться на закрытие базара, служащего центром жизни не только экономической, но и общественной для иногда крупного района.

Подводя итоги сказанному, обратимся к докладу 1898 года Начальника Кокандского уезда и делению им населения на группы, по отношению их к русским. Отметим, что Советская власть в представлении населения осталась безусловно властью русской.

Первая группа—духовенство, ученые и фанатики—враждебно относились к завоевателям. Надо полагать, что ни отнятие вакуфов, ни уничтожение судов казиев, ни разгон организаций улема, ни новометодные школы, ни пропаганда о женском равноправии и снятие паранджи и чучвона (халата и сетки, превращающих женщину, вне пределов ее дома, в мумию), не изменили отношения в нашу пользу.

Вторая группа—сознательно довольная: торговцы, состоятельные классы, состоящие на службе у русских (в администрации и торгово-промышленных заведениях), и городское население. Можно с уверенностью сказать, что к концу 1920 года среди этой группы сторонников Советского строя не было.

Третья группа—„не имеющая оснований быть недовольной“—вся масса кишлачного и часть городского населения. Полагаем, что предыдущим изложением мы доказали, что эта основная масса, толща народная, ныне имела все основания для недовольства.

Хуже того—она имела понятные для нее лозунги, духовных руководителей и военных вождей и организаторов, правда, несовершенных, но своих по крови и по духу.

Под влиянием указанных первопричин, внешних и внутренних факторов, басмачество, разрастаясь в течение лета 1920 года, ярко вспыхнуло к осени и стало наиболее опасным—народным восстанием на экономической почве и с религиозной окраской.

ГЛАВА VI

Борьба силою оружия.

(Военная борьба).

Невозможно осветить все подробности непрерывной военной борьбы с басмачами. Это работа будущего, когда собранный архивный материал Ферганской армейской группы будет окончательно разобран и систематизирован.

Но можно уже теперь подметить, что военные операции имели несколько совершенно отличных периодов, обычно связанных с переменой командования в Фергане.

К оценке этих, если так можно выразиться, систем военной борьбы с басмачеством мы и перейдем.

1918 год, как отмечено выше в докладе Туркглавкома т. Белова, прошел в совершенно бессистемной с широким применением массового террора борьбе, конец которой был положен в феврале 1919 года, образованием Ферганского фронта, разделением Ферганы на два боевых участка, подчинением Красной Гвардии оперативным распоряжениям Комфронткомом, слиянием отдельно действующих партизанских отрядов в красноармейские части и т. п.

Некоторым обоснованием для применения массового террора может служить то обстоятельство, что и басмаческие отряды еще не были организованы, не выкристаллизовались в стройную систему взаимно подчиненных курбашей, разделивших территорию Области на районы, которые представляют типичные феодальные уделы, к которым данная шайка крепко привязана, без права перехода в соседний участок.

С военной точки зрения такая система критики не выдерживает. Поскольку население стоит на стороне басмачей и чувствует, что моральное право на его стороне, применение массового террора приводит к результатам обратным и придает движению ярко национальный и народный характер.

Войска, увлеченные грабежом, неминуемо разлагаются, дисциплина совершенно отсутствует, о военной выучке говорить не приходится, армия становится небоеспособной и при первом организованном сопротивлении оказывается битой. Доказательством тому может служить поражение, понесенное ферганскими войсками в единственном серьезном бою с Мадамином под Гарбуа с 4 по 7 декабря 1919 года, когда новое, центральное командование, пыталось использовать развращенные от гра-

бежа войска по прямому назначению. Потеря орудий и пулеметов не допустимы в азиатской войне, где трофеи играют громадную роль для поднятия духа противника. Разложенные коренные ферганские войска были переформированы, в Фергану направлены прибывшие из центра дисциплинированные и обученные войска.

После кратковременного перерыва (сдача Мадамина) весной 1920 года военные действия возобновились. Энергичное командование (начдив Веревкин-Рахальский) и не менее энергичное исполнение (комбриги Кузелло и Ушаков), широкое применение конницы, система горячего преследования обнаруженного ядра шайки определенного курбаши, оканчивающееся решительным столкновением, дало реальные результаты. Интересующихся подробностями ведения подобных операций (применялись с успехом и зимой и ранней весной 1921 года) отсылаем к № 1 „Военной Мысли“, статья тов. В. К-ва „Ферганский район“.

Значительную роль сыграли также военно-политические экспедиции, разъяснявшие принципы Советского строя параллельно с уничтожением активных басмаческих шаек, особенно в виду возглавления их членом РВС Фергруппы тов. Паскуцким, выказавшим уже выдающиеся военные, административные и политические способности во время председательствования им Реввоенсовета Асхабадского фронта.

Подготовка Бухарской операции осенью 1920 года и необходимость поддержать молодую революционную власть в Бухаре оттянули из Ферганы значительные силы, почему осень 1920 года и зима 1921 года прошли под знаком обороны.

Принята новая система распределения войсковых частей по гарнизонам, для поддержания порядка и укрепления Соввласти на местах, равно для проведения в жизнь политико-экономических мероприятий, ошибочность которых мы разобрали с достаточной полнотой в главе 5-й.

Система мелких гарнизонов в военном отношении дала самые отрицательные результаты.

Во-первых, командование никогда не имело достаточных резервов, чтобы быстро поддержать подвергавшийся нападению гарнизон или для нанесения удара обнаруженному скоплению басмачей.

Во-вторых, войска, разбросанные мелкими отрядами, неминуемо разбалтывались, так как условия расквартирования, питания, заболеваемости и несения службы были невозможные. На почве участия в продовольственных реквизициях и постоянного недоедания вновь развились грабительские инстинкты, а непрерывные нападения неуловимых для пехоты конных отрядов противника и многочисленные случаи предательства „мирного“ населения возбудили в лишенных регулярной политобработки войсковых частях взгляды о национальной подкладке борьбы. Борьба с басмачами и с нашей стороны вылилась в „войну русских с сартами“.

Несомненно, что улучшения взаимоотношений с населением в этих условиях ожидать было нельзя и симпатии к басмачам неудержимо росли.

В-третьих, басмачи, имея великолепно организованную агентурную разведку и пользуясь преимуществом знания местности и прекрасного конского состава (загнанная или усталая лошадь немедленно заменялась свежей в первом попавшемся по дороге кишлаке или ауле), всегда уходили от медленно сосредоточиваемых для удара наших сил и в свою

очередь без промаха били по самым слабым гарнизонам, оторванным от подкреплений, или по обозам, продовольственным транспортам и т. д.

Ослабление ферганских сил осенью 1920 года привело к усилению басмачества и с весной оно вновь вспыхнуло, ставя наши части в очень тяжелое положение.

Вот типичные случаи.

„15 января 1921 года из гор. Намангана в кишлак Чартак выступил отряд в 59 сабель для содействия переговорам о сдаче шайки Абат-Палвана, из'явившего яко бы на то согласие. В результате переговоры не привели ни к чему и отряд повел наступление на шайку, сгруппировавшуюся в к. Уйчи. Но басмачи боя не приняли и стали отходить к горам в северном направлении, столкнувшись по дороге у к. Курган с нашим фуражировочным отрядом, который заставил шайку бежать в горы, где она и рассеялась.

16 января шайка Абат-Палвана, ушедшая накануне в горы, соединившись с другими курбаши, общей численностью до 2000 джигитов, пыталась снять наш гарнизон в к. Кассан, состоящий из 41 бойца и 1 пулемета. Осада началась в 14 часов 16-го и длилась до 17-ти час. 17-го января. Противник окружил гарнизон буквально со всех сторон, засыпая защитников градом пуль и пуская в ход обычный прием поджога окружающих построек.

Несмотря на превосходство сил противника и необходимость все время тушить пожар, гарнизон спокойно выдержал осаду до подхода подкрепления в 25 сабель наших конных разведчиков, которые в 17 час. 17-го января, подойдя вплотную к противнику, лихой конной атакой, сбили басмачей и при поддержке вырученного гарнизона обратили противника в бегство. Потери противника: 35 убито, много ранено; оставлено 8 лошадей и 2 винтовки. Потеря гарнизона: 1 убит и 4 ранено“.

„14 апреля 1921 года из к. Язауан вышла разведывательная партия из 9 человек комсостава и у к. Будкачи встретила шайку курбаши Хусаинджана в 250 человек. Наш отряд устроил засаду и встретил партию противника залповым огнем; шайка ринулась в кишлак по другой дороге, но разведка опередила противника и снова залегла в засаду и вновь встретила колонну залпом, уложив на месте Курбаши и ранив его помощника. Воспользовавшись замешательством противника, захватили тело курбаши, найдя на нем печать, винтовку, карабин и револьвер.

Противник стал ожесточенно нападать на отряд, окружив занимаемый двор со всех сторон. Позиция, наскоро занятая, оказалась неудачной и атакованным пришлось перебираться в соседний дом. Осада продолжалась с 12-ти час. 14-го до 3-х часов 15-го, когда противник, видя непреклонность защитников и потеряв всякую надежду взять их, отступил. Наши потери в этом деле: убит начальник партии, комбат т. Терехов, ранен военкомбат тов. Астраханцев и убито 9 лошадей“ (Ист. хроника 16-го Турк. стрел. п.).

„20 июня 1921 года 8 рота 13-го стрелкового полка, стоявшая гарнизоном в к. Яйнап, была в 12 час. окружена отрядами Ислам-Палвана. Завязался бой. Басмачи ворвались в кишлак и заняли чайхану и дома поблизости крепости были подожжены. После продолжительной перестрелки басмачи несколько раз бросались на штурм, но усиленным

огнем отбивались. Была сделана также неудачная попытка поджечь ворота. С наступлением темноты басмачи снова пытались взять крепость с криками: „сдавайтесь и отдайте пулеметы“. Особенно надо отметить храбрость и распорядительность комроты т. Бреславцева, который несколько раз с пятью-шестью человеками с гранатами выбегал из крепости и разгонял отряды басмачей в 30—40 человек. К 24 часам стрельба стала стихать, и басмачи отступили под влиянием приближения поддержки“.

„12 марта 1921 г. гарнизон к. Пишкаран был окружен шайкой Аман-Палвана, численностью до 1500 чел. Пользуясь расположением жителей и их активным содействием, басмачи незаметно проникли в кишлак во время базара и напали на гарнизон, состоявший из 22 чел. при 1 пулемете. На выручку из кишлака Яны-Курган выступило 20 сабель при 1 пулемете. У к. Беговат отряд был окружен, но смелым натиском противник был сбит и преследовался до к. Пишкаран. Там отряд соединился с выручкой из Чуста в 114 сабель при пулемете. Басмачи были разбиты, потеряли до 200 чел. и бежали. Во время предательского нападения на гарнизон Пишкаран (20-го Турк. стр. п.) убито 15 красноармейцев, 3 продработника, тяжело ранено 5 и пропал без вести 1. Трупы были сильно обезображены и обожжены“.

Поздней весной 1921 года новое командование (тов. Зиновьев) решило применить против басмачей систему крупных, согласованных операций. Объективные условия для этого несомненно были. Отряды противника приобрели постоянную организацию. Отряды эти стали многочисленны, имели постоянные районы расквартирования, иногда даже опорные пункты, в виде укреплений азиатского типа или уединенных горных долин с труднодоступными и легко обороняемыми перевалами (к. Ашаба и Рахманкула, Кичик-Алайская долина у Муэтдина, район Гарбуа у Ширмата и т. п.).

Целью таких крупных и „решительных“ операций ставилось обыкновенно или „очищение“ данного района, или „решительное“ поражение данного курбаши. Образцом таких операций можно считать весеннюю операцию в Кокандском и Ходжентском уездах, участие в которой принимало 4 кавалерийских и 4 стрелковых полка, т.-е. более половины расположенных в Фергане войск и „окружение“ Ширмата в сентябре.

Приказом войскам Ферганской армейской группы от 30 мая 1921 г. № 014 оп. ставится цель: „очищение Ходжентского и Кокандского уездов от басмачей и содействие закреплению Советской власти в этих уездах. Наиболее крупные отряды басмачей сосредоточены: Ташбулат (200 ч.) в районе развалин кр. Ляйляк, Сабир (100 ч.) в районе сел. Чарку, Исламкул (500 ч.) в районе ст. Посыетовка—Йинап—Коканд“.

Операция задумана так: конница широким фронтом двигается сначала с запада на восток (9-я кавбригада) и с востока на запад (8-я кавбригада), очищая полосу между горами и течением реки Сыр-Дарьи. Пехота (19-й, 21-й, 22-й и 24-й Турк. стрел. полки с бригадой и дивизионной конницей) занимает ряд завес, как горных проходов на юг, так и по окраине песков, разделяющих Кокандский и Маргеланский оазисы. Заняв линию Сыр-Дарьи, конница поворачивается на юг и широким фронтом идет к горам. 4-го июня началось выдвижение пехотных частей; 5-го июня двинулась конница; к 11-му июня части обратились

к „прямым“ заданиям. Отдельными эскадронами пройдено по намеченным маршрутам до 300 верст. Столкновений (и то без реальных последствий, с раз'ездом) с намеченным противником было только одно, 5-го мая в 17-м кавполку. Только 15-й кавполк, собираясь к исходному пункту—ст. Маргелан, имел 6-го и 8-го мая удачные столкновения (в районе Гарбуа—Истархан-Суне) с местным феодалом Ширматом, понесшим существенные потери—до 70-ти чел., и, главное, 31 винтовку.

Никаких реальных результатов, кроме двухнедельного спокойствия ✓ в пройденных районах, не достигнуто. Важен конечный вывод тов. Зиновьева: „Европейскими частями вылавливание производить не предполагая, в виду отвратительного поведения их в отношении населения. Последнее совершенно не идет навстречу европейским частям, или вернее, наши части не умеют подойти к населению“. (Переговоры по прямому проводу II/V 1921 года).

„Для уничтожения отрядов Ширмата и подчиненных ему курбашей, сосредоточенных в районе Гарбуа, намечено и приведено в исполнение движение 4, 13, 14, 15 и 16 кав. полков и 14-го Турк. стр. полка с артиллерией и бронепоездами на Гарбуа, причем переправы через Кара-Дарью должны были быть на широком фронте заняты частями 5-й Турк. стр. бригады, наступавшей с севера. После переправы через Дарью части эти должны были принять на себя отходящих на север басмачей.

С востока басмачи были от гор отделены частями пехоты, бронепоездами и броне-отрядами.

Начатое 13 сентября наступление развивалось успешно, Гарбуа занято 14 Турк. стр. полком, конница широким фронтом теснила басмачей на переправы.

Но 14-го сентября, части 5-й Турк. стр. бригады, не произведя предварительной разведки переправ, обнаружили, что вода в Кара-Дарье настолько поднялась, что переправиться было невозможно. Поэтому части стянулись на запад, за 50 верст, на мост у кишл. Пап и в свой район прибыли только к 16-му сентября. За это время главные конные части басмачей переправились через реку и ушли из-под удара. Мелкие части ушли также и на восток. Операция сорвалась и существенного урона басмачам не нанесла“. (Журнал военных действий Туркфронта за 1921 г. стр. 11 и 12).

Как видно, никаких положительных результатов операции не дали. Своевременно предупрежденные о стягивании войск, а весьма возможно и более подробно ознакомленные с предполагаемым планом действий, курбаши ловко уклонились от удара, перекочевали в другие районы, или совершенно слились с местным населением, спрятав оружие и взяв в руки кетмень. Наоборот, одновременно с ведением операции они усилили свои нападения в других районах, откуда были сняты войска для нанесения предполагаемого удара.

Единственное успешное столкновение в районе Шаарихан—Гарбуа произошло, если можно так вольно выразиться, с „чужим“ противником, случайно оказавшимся на пути следования кавполка, шедшего с места своего квартирования на сборный пункт для занятия исходной линии.

Мы не будем утруждать внимания читателей приведением подробностей нескольких подобных операций. Они весьма интересны и поучи-

тельны в зависимости от того, разыгрывались ли они в гористой или равнинной местности, проявил ли противник активность, или только уклонялся от удара—общий вывод остается неизблемым.

Красная Армия перед лицом населения демонстрировала свою полную беспомощность раздавить численно и, главное, технически слабейших басмачей. В своих войсках это сознание порождало неуверенность, недоверие к командованию, изматывало людей и лошадей и окончательно разрушало обоз, обмундирование и обувь. Из неудачного похода войска возвращались усталые и озлобленные и неминуемо вымещали свою злобу на ближайших к месту их стоянки мирных жителей.

Противный стан ликовал. Он не только широко рекламировал свою неуловимость, но пытался даже разложить усталую красноармейскую массу, распространяя самые чудовищные слухи о мятеже в Кронштадте, восстаниях в Москве, голоде, не забывая также и агитации против „жидов“.

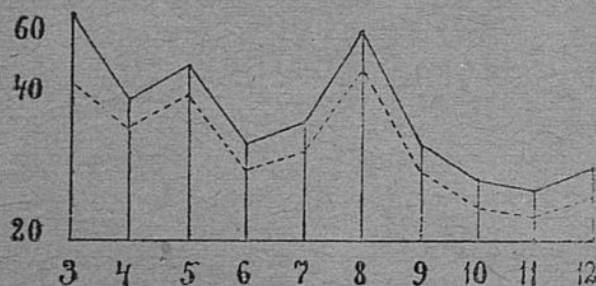
Сознание невозможности уничтожить басмачество путем чисто военной борьбы, покуда оно пользуется полной поддержкой населения, и постепенно принятый правильный учет основных причин движения привели к новой эре, к периоду переговоров и широкому использованию результатов возглашенной центром новой экономической политики с соответствующими местным условиям дополнениями и частичным развитием тактики уступок не только в вопросах экономики, но и политики.

Напряженность боевой работы за 1921 г. в зависимости от внешних факторов (продразверстка, крупные операции, переговоры) видна из таблицы (сведения не полны, зафиксированы лишь данные, вошедшие в „сводки“).

МЕСЯЦ.	Столкновений.	По инициативе басмачей.	Наши партии (части) отошли.	Потери.		Примечания.
				Наши.	Противника.	
Март	64	28	6	94	908	Ряд шаек приняли бой и понесли тяжелые потери.
Апрель . . .	32	21	5	30	225	Самый неудачный месяц. Басмачи боя не принимали, но нападали на жел. дорогу (разрушено 8 мостов с 23 по 28 апр.), отбили у нас 1 пулемет, 1 авторужье и захватили мирную делегацию.
Май	50	30	4	70	655	Нами потерян продтранспорт.
Июнь	29	13	2	15	165	Басмачами захвачено 40 жел.-дор. ремонтных рабочих.
Июль	32	15	8	25	200	Усиление числа столкновений вследствие охраны продкампании.
Август . . .	58	30	3	7	115	Результат мирных переговоров. Ведена операция против Ширмата.
Сентябрь . .	28	10	3	10	75	Результат мирных переговоров. Ведена операция против Муэтдина.
Октябрь . . .	15	4	1	15	111	Распутица. Ведена операция против Рахманкула. Взята его продбаза.
Ноябрь . . .	14	6	2	27	30	
Декабрь . .	19	8	2	15	56	
Итого. . .	341	165	36	308	2540	

Цифры потерь знаменательны: все завоевание Кокандского ханства стоит 119 человек. Потери противника возможно увеличены, хотя число раненых почти не поддается учету; раненых всех, а убитых по возможности,—басмачи выносят из боя и увозят.

Процент активности басмачей, доходящий до 68 (апрель), 52 (август), резко падает с момента начала переговоров на 36 (сентябрь) и 26 (октябрь), повышаясь вновь до средней нормы 45% (декабрь), как результат расстрела Алиара и новой вспышки борьбы.

Число боев по инициативе басмачей.

ГЛАВА VII.

Попытки привлечь население в борьбе с басмачами.

Опыт еще первых боевых столкновений 1918 года показал, что преследование и действительное уничтожение отрядов противника не под силу русским (европейским) частям Красной Гвардии и Красной Армии.

Тогда же, хотя вернее инстинктивно, чем продуманно, было создано, что противопоставление басмачам „русской“ вооруженной силы (крестьянская армия и проч.) несомненно вызовет у населения представление не о классовой, а о чисто национальной борьбе.

Поэтому с самого начала повстанческого Ферганского движения нами делались более или менее организованные попытки создать отряды из коренного населения, именуемые обычно „мусульманскими“. Отметим, что до соединения с центром попытки эти носили кустарный характер. Штаб Закаспийского фронта уполномочил самостоятельно некоего Банишева формировать „мусульманскую армию“. Не имея опыта и знаний, Банишев создал громоздкий штаб, сделал большие заказы, растратил врученные ему средства и был даже, в конечном счете, заподозрен в сношениях с Мадамин Бекон. Организация была расформирована, не дав результатов.

В Ташкенте дело шло успешнее и удалось создать батальон (кадр был выделен из милиции), получивший наименование „3-го Интернационала“. Батальон был отправлен в Семиречье и послужил основой для одного из ныне существующих стрелковых полков туркфронта.

В самой Фергане коренное население попадало только в Красную Гвардию (члены профсоюзов—на общем основании); создание частей сплошь из туземцев противоречило взглядам тогдашнего Совета Труда и Оборона (выше гл. 4, стр. 28), все еще находившегося под гипнозом „Кокандской автономии“.

Только после разгрома Монстрова-Мадамина, распада организованной ферганской контр-революционной силы и соединения с центром, тов. Бригаде делается в ноябре 1919 г. первая попытка создать регулярного типа войсковые части из отрядов курбашей, перешедших на сторону Советской власти.

По мере перехода всех Мадаминовых войск (кроме Ширмата) из басмачей создаются 4 кавалерийских полка, сведенных в 1-ю и 2-ю Тюркские кавбригады. (Комбриги Умидов и Рафиков).

1-й Тюркский кавполк—отряд Хамдама; 2-й—Туйчи, 3-й—Ахунджана и 4-й—Махкам-Ходжи.

В марте 1920 года начдив 2-й Турк. стрел. в приказе № 62 указывает: „На основании телеграммы РВС туркфронта № 315 приказываю всех сдавшихся и сдающихся мусульман вливать в формируемые под моим наблюдением две Тюркских бригады, сверх которых никаких мусульманских формирований не производить“.

В виду некомплекта против штатов и для упорядочений управления (остро стоял вопрос о высшем комсоставе, знающем язык и быт джигитов) приказом Упразформа Туркфронта (Управление по формированию) от 22 марта 1920 года № 141 обе кавбригады с 30 марта должны быть слиты в 1-ю Узбекскую кавбригаду (комбриг Рафилов, военком Туйметов, наштабриг—Петров). 1-й Туркестанский Узбекский кав. полк: комполка капитан пехоты Мирбадалев; 1-й дивизион—б. 3-й Тюркский полк Ахунджана и 2-й дивизион—б. 4-й Тюркский полк—Махкам Ходжи—район Андижана. 2-й Туркестанский Узбекский кав. полк—комполка капитан артиллерии Худоярхан; 1-й дивизион—б. 1-й Тюркский полк—Хамдама; 2-й дивизион—б. 2-й Тюркский полк—Туйчи; район—ст.ст. Посыетовка и Серово.

Одновременно предписано стянуть отряды (дивизионы) и расположить их лагерем в пустых заводах; прием новых джигитов и увольнение старых запрещены помимо комбрига; приказано произвести учет людей, лошадей, оружия, снаряжения и т. д. Распоряжения эти сразу вызвали неудовольствие среди привыкших к своеобразной азиатской дисциплине отрядов; немедленно выявилось нежелание подчиняться армейскому командованию и тяга к старому, привычному начальнику. Приказ по 2-й Турк. стр. див. 10 апреля 1920 г. № 46 должен разъяснить и опровергнуть: „Неизвестными лицами распускаются слухи, что будто бы Мадамин Бек назначен командующим мусульманской армией и имеет право располагать войска его бывшего отряда по своему усмотрению“.

Что же представляли собою новые части Красной Армии туркфронта? Можно ли было на них положиться в такой ответственной и сложной работе, как борьба с басмачеством?

Внутреннее состояние полков характеризуется в докладах поддива 2 и штабрига чрезвычайно ярко. „Части, входящие в состав бригады, имея вид советской службы, все же сохранили басмаческий характер. Они состоят из трех элементов: а) 30% бывших разбойников; б) вооружившихся для самозащиты; в) бедноты, обреченной на голод. Отряды территориальные и некоторые из них содержатся за счет населения. Во главе каждого отряда стоит курбаши, пользующийся большим влиянием среди населения.

Из-за курбашей распоряжения высших военно-политических руководителей проводятся очень туго, ибо курбаши во всех мероприятиях военно-политического характера видят ущерб своим интересам и уменьшение своего влияния на джигитов“.

„Люди эскадронов помещались в чайхане, частью, в качестве почетного караула, при квартирах курбашей, а то и просто по кишлакам. К назначенному в полки комсоставу люди относятся подозрительно и недоверчиво. Все это происходит оттого, что курбаши, не желая расстаться с былой властью, действуют на своих людей развращающе.

Используя тяжелое положение Республики в смысле снабжения, на „свои“ средства покупают время от времени скот, солому и даже обувь, которую дарят со словами: „раз русские вам ничего не дают, так я даю“. Средства „свои“ курбаши пополняют налетами на мирных жителей, со стороны которых все время поступают жалобы“.

Отношение к населению, для которого они должны были стать защитниками от басмачей и проводниками новых веяний, оставалось попрежнему разбойническим и контр-революционным.

15 апреля 1920 года в Балыкчинской волости арестован агитатор, за то, что произвел выборы в местный Совет „без разрешения“ курбаши, почему, по его мнению, „выбраны все туртынчи“.

22 апреля приказ по 1-й Узбекской кавбригаде за № 15 гласит: „Объявляю для сведения и точного руководства всем чинам бригады, что эксплуатация природных богатств, находящихся на территории Республики, принадлежит государственным экономическим органам и что вследствие этого бывшим курбаши отдельных отрядов надлежит срочно аннулировать всякие договоры с населением, если таковые где-либо имели место. Также должны немедленно прекратиться всевозможные сборы и налоги, которые до последних дней берутся в кишлаках бывшими курбаши. Основание: отношение Андижанского Ревкома от 14 апреля № 2533“.

Издевательства, творимые над советскими работниками и жителями крупного кишлака Шахи-Мардан, лично курбашей Туйчи подробно изложены в докладе военкому 2-й Турк. стр. див.—приложение № 10.

Боевая ценность. Очевидно, что наиболее ярко свое лицо бывшие басмачи должны были показать во время боя и боя не со своими личными или племенными врагами, когда они бились „на совесть“, а против, так сказать, „очередного“, указанного им оперативным приказом, противника.

18 января 1920 года частями 2-й Турк. стр. дивизии была предпринята операция против значительно усилившегося (до 1.500—2.000 чел.) Иргаша, опиравшегося на свою крепость у к. Бачкир в 22-х верстах к северо-западу от гор. Коканда.

Средняя колонна (535 шт. 100 саб.) 17-го стр. полка нанесла главный удар, дойдя после упорных боев в течение всего дня к крепости и взяв ее штурмом. Противник бежал крупными (до 500 чел.) массами. Войска колонны были совершенно истощены; конница весь день работала в конном и пешем строю. К моменту взятия крепости, правая колонна Туйчи (350 саб.), пройдя по маршруту, ей указанному (противник не появлялся и только был окружен и взят в плен наблюдательный пост), прибыла в Бачкир и получила приказ преследовать противника. „Достигнув песчаной пустыни, начинающейся в одной версте к востоку от Ак-Тюбе, тов. Туйчи, вследствие утомления лошадей, прекратил преследование и присоединился к средней колонне“.

Отборные басмаческие лошади Туйчи оказались „утомленными“, пройдя за день 25—30 верст? Позволительно сильно в этом усумниться.

Обратимся к левой колонне т. Хамдама (500 сабель) и к словам доклада штадива 2, разбиравшего эту операцию: „Полк тов. Хамдама, вследствие позднего получения приказа отряду и других малопонятных и неизвинительных причин, не успел выступить в указанное время.“

Полк в составе 200 всадников, под командой помкомполка т. Мочалова, прибыл на место боя на другой день в 8 часов, т.-е. уже после окончания операции“.

Хамдам оказался еще более решительным. Он просто не исполнил оперприказа и даже сам не потрудился побеспокоиться, выслав только часть полка со своим русским помощником.

А Иргаш ушел в оставленные ему ворота (Хамдам должен был отрезать пути отхода на север и запад), сопровождаемый на расстоянии 5 верст „почетным эскортом“ „преследующего“ на „утомленных донельзя“ лошадях Туйчи.

Комедия более чем очевидная.

Итак, картина ясна. Никакой реальной помощи от басмаческой советской конницы ожидать было нельзя.

События конца апреля это блестяще подтвердили.

Убийство Мадамина в стане Ширмата—вызвало взрыв взаимного недоверия.

Не исполнив приказа Комфронтом т. Фрунзе о сборе всего 2-го Узбекского кавполка в гор. Коканд, Командир 2-го дивизиона Туйчи 26 апреля арестовал комполка, военкома и ад'ютанта (все мусульмане) и со всем своим отрядом ушел в горы, при чем, пред уходом, джигиты его до нитки ограбили всех служивших в дивизионе русских. 1-й дивизион (Хамдама) выгнал всех русских, заявив, что они им не нужны.

1-й Узбекский кавполк бы назначен для переброски в Ташкент, но выполнить приказ отказался, вследствие чего был разоружен, частью оказал сопротивление и бежал к басмачам и всего лишь 92 человека прибыло в Ташкент, в Троицкий лагерь.

Так печально закончилась первая организованная попытка создать местные формирования. Ошибка ясна—взят испорченный материал.

Вторая попытка была организована шире. Штаб фронта предписал мобилизацию 30.000 человек мужского населения для влития в ряды Красной Армии. Упразднен фронта был под впечатлением полного успеха формирования им Поволжской мусульманской татарской стрелковой бригады. Ее благотворное влияние на временное умиротворение Ферганы было налицо и расценивалось политическими работниками, как положительный фактор. Мы не будем останавливаться на выявлении причин, почему эта попытка была безнадежно неудачна. Приведем без всяких комментариев телеграмму от 5-го июля 1920 года, посланную в РВСР: „Ныне в Туркестане производится призыв в ряды Красной Армии местного мусульманского населения, который даст нам до 30.000 бойцов. Однако учить их некому, ибо нет инструкторов, знающих мусульманские наречия. Прошу самом срочном порядке выслать Туркестан инструкторов мусульман из Центральной России“¹⁾.

Несомненно, что по этой телеграмме равнялись и местные органы; немудрено, что „население мобилизовать не представляется возможным; все принадлежащие призыву лица бегут к басмачам“—как доносят Военкому 2-й Туркестанской стрелковой дивизии.

¹⁾ Курсив автора Д. З.

В этом факте—бегства мобилизованных к басмачам, кроется одна из причин мгновенного взрыва движения летом 1920 года.

Мобилизация 1916 года с ее последствиями была слишком свежа в памяти; насильственно оторванный властью от своей работы призывной—темный и невежественный, фанатично преданный окутывающему его со всех сторон религиозному и житейскому учению—Шариату—бросался, закрыв глаза, в объятия Курбаши.

Идти к „гяурам“, в Красную Армию, на которую он за два года привык смотреть, как на насильничающую и европейскую—он не мог; понять идею Советской Власти—не мог; раз'яснений и об'яснений, словом и примером—не видел и не слышал. Но будучи внесенным в призывной список, дома оставаться тоже не мог, так как последствия неисполнения приказа власти—ему известны с детских лет и особенно памяты по 1916-му году.

Если первая попытка научила, или, вернее, должна была научить старой истине — „как волка не корми, а он все в лес смотрит“ — так вторая принесла резко отрицательный результат — вторично (1-й раз — хлопковый декрет) бросила в басмаческий стан тысячи рядовых джигитов.

Наступивший весной 1921 года период „решительных операций“ против Ферганского басмачества привел вновь Ферганское командование к выводу о необходимости создания частей из местного населения. Такие же выводы сделало и Закаспийское командование. Басмачи, уклоняясь от боя или рассыпаясь при первой неудаче, немедленно сливались с местным населением, и полевым войскам, не знающим языка, быта, местности и т. п. нечем было их проследить и выловить.

С разрешения Ташкента весной 1921 года вновь начато формирование „мусэскадронов“ и „мусполков“, правда, уже под наименованием „территориальных“. Материал—старый—все те же кондотьеры, не имеющие ни кола, ни двора, меняющие свое командование, как перчатки—профессиональные басмачи. Это 1-й Фертермускавский полк.

Вместе с тем откол от Киргизского вождя Муэтдина, видного родовича главенствующего кипчакского рода Отуз Оглы-Джаныбека—привело к созданию 2-го полка на несколько других основаниях.

Обратимся к 1-му полку. Он составлен из бывших Мадаминовских басмачей, удержавшихся в рядах в апреле—мае 1920 года, побывавших в составе бригады тов. Кужелю на Южном фронте.

Домой они вернулись по демобилизации; оказались „безработными“ и почитались „надежными“, так как за их отсутствие большинство хозяйств было разрушено, а семьи даже частично вырезаны басмачами. Домой, в кишлак—им возвращаться было и некуда и опасно.

Этот основной кадр полка был пополнен добровольцами из такого же материала и должен был быть пополнен мобилизованными коммунистами.

2-й Ферг. тер. мус. кав. полк создан из Киргиз: в основу положены отряды Джаныбека (своего рода самооборона Джелаль-Абадского района), сильные своими родовыми традициями, что особенно возвышало значение Курбашей, пользовавшихся своим родовым влиянием.

При самом рождении своем полк этот был взят под подозрение и им хотели воспользоваться как способом уменьшить путем демобилизации старших возрастных классов—число вооруженных в данном районе, равно понемногу подорвать авторитет Курбашей—родовичей.

Так как основным условием создания этой „бригады“ был вывод ее из занимавшегося ранее района, что прикрито наименованием „территориальный“, довольствие отсутствовало, и наряд, данный на большое число коммунистов, необходимых для перевоспитания частей—остался бумажным нарядом, за неимением свободных сил,—то реальных результатов новая попытка поставить против басмачей не Тамбовского парня, а его же сородича—успеха не имела.

Не может иметь успеха создание регулярной части из бывших разбойников-партизан, тем более, что регулярного комсостава, говорящего на их языке и знающего их нравы и обычаи—не было; а комэскадроны и подкомэскадроны—это те же Курбаши.

Уже к сентябрю 1921 года состояние новых формирований обрисовано следующими словами (Доклад Начальника Пофергруппы 10 сентября 1921 г. № 4991/с):

„1-й Фертермускавский полк... Во главе этого полка стоит бывший басмаческий Курбаши Хамдам Каландаров, получивший в настоящее время трехмесячный отпуск—благовидный предлог убрать его из полка, куда он был поставлен, как пользующийся громаднейшим авторитетом среди старых джигитов“.

Одновременно с формированием и организацией полка уже наметились определенные элементы разложения, которые приняли в настоящее время угрожающие формы. Полк в экономическом (хозяйственном) отношении находится в таком состоянии, как и остальные части. Во главе эскадронов стоят бывшие Курбаши, так как нет мускомсостава. В полку отсутствует какая бы то ни было дисциплина. Оперирующие против нас басмаческие шайки в то же время прекрасно обуты, одеты, обеспечены всем необходимым, что красноармейцы мусполка прекрасно видят, и им, как бывшим басмачам, безусловно выгоднее быть на стороне противника, чем у нас, так как они определенно деклассированный элемент... Некоторые к-ры эскадронов, превосходно учитывая это психологическое состояние кр-цев, находят следующий путь удержания их в наших рядах: начинают заниматься мародерством, грабежами, наложением контрибуций и т. п. для обеспечения своего эскадрона и самого себя.

В августе перешло с оружием на сторону басмачей до 50 чел.; 1-й эскадрон, наиболее мародерствующий, разоружен.

2-й Фертермускавполк... нужно определенно сказать, что за весь четырехмесячный срок формирования сделано очень мало... Полк несет охрану своего района (Узгенская и Кугартская долины) от нападений Курбаши Муэтдина. Назвать его полком нельзя, так как до сих пор не взяты на учет красноармейцы и оружие, влияния нашего в полку нет, эскадроны разбросаны далеко по горам, командиры эскадронов—старые Курбаши, снабжение полка в некоторых районах производится старым басмаческим способом...

Кроме командира полка тов. Кужелло (старый Ферганец) и военкома полка тов. Файзы (член Турцика), политработников в полку нет и политработа не ведется.

Благодаря осторожной и тактичной линии, взятой в этом полку, „к нему присоединились все мелкие киргизские Курбаши Кугартского, Присуйского и Узгенского районов“.

Осенью 1921 года, после расформирования 1-го эскадрона и под влиянием расстрела Алиара-Курбаши Карабай, бывший командиром 2-го эскадрона—ушел к басмачам, напал на русских, оставшихся от разоруженных 1-го и 3-го эскадронов и увел 175 человек с 2 пулеметами. Одновременно же и вождь 2-го мустеркавполка объединился с Муэтдином и вновь рухнула попытка создания регулярных частей из коренного населения.

Стало наконец всем ясно, что, за отсутствием комсостава и подготовленных кадров, мобилизация невозможна, а что прием на советскую службу профессионалов басмачей приводит неизменно к самым отрицательным результатам.

Переговоры с главнейшими басмачами, веденные осенью 1921 г. впервые дали возможность серьезно оценить состояние и внутренние противоречия басмаческого стана, а политическая подготовка лиц, ведших переговоры, обеспечила возможность впервые сделать и правильные выводы.

Эти выводы запечатлены в мартовском (1922 г.) обращении комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Турцика „Ко всем Курбашам и басмачам“. (Приложение № 11).

С чувством глубочайшего удовлетворения читаются всеми изучившими басмачество и практически с ним боровшимися следующие репительные строки: „Никаких Советских Курбашей и Советских басмаческих отрядов“.

Что же касается до способов превращения борьбы с басмачеством в борьбу общенародную, то кроме основных мероприятий политического и экономического характера—приступлено к организации красной вольной милиции и самообороны, основанной на принципах:

- 1) вспомогательная организация, а не регулярная армия;
- 2) территориальность комплектования и содержание за счет населения;
- 3) круговая порука сельского общества за избранного, обмундированного и содержимого бойца;
- 4) подчинение полемому командованию только в оперативном отношении.

Не входя в оценку вновь принятой системы по существу, можно констатировать лишь факты успешной работы новой вооруженной силы и устойчивости ее в смысле отсутствия переходов на сторону басмачей, с которыми бойцы милиции ведут борьбу не на жизнь, а на смерть.

ГЛАВА VIII.

Переговоры.

Рассмотрим решающее влияние переговоров осени 1921 г. Вообще переговоры служили басмачам для выигрыша времени и для подготовки какой-либо новой операции. Наше же командование также придавало переговорам большое значение, так как они создавали возможность внести разложение в ряды противника.

В первый период прихода центральных войск ими широко применялся метод частных переговоров, дававший такие блестящие результаты во время гражданской войны в России. Но по ранее разобранным мотивам эти частные попытки успеха не имели.

Правда, иногда небольшие отряды басмачей переходили к нам, но исключительно с целью отдыха и пополнения боевых запасов. Масса населения сверху до низу представляла единый фронт—противорусский, противосоветский.

Но по мере изменения сущности басмачества, после поражения эмира и провозглашения Бухарской республики, под влиянием утомления, озлобления против басмаческих поборов, а главное после новых веяний в политике центр. (проведение НЭП), единый фронт раскололся.

К этому же периоду—весне 1921 г. надо отнести и усиление внутри басмаческой розни национальной между киргизами и сартами, феодальной между плотно осевшими в своих уделах курбашиами и честолюбивой склоки между наиболее сильными Ширматом и Муэтдином за главенство.

Весна 1921 г. привела к переходу Джаны-бека с киргизами Кугартского и Узгенского района как следствие разрешения в их пользу вопросов землепользования и выселения колонизаторских поселков. Брешь эта усилилась путем создания из Джаны-бековских отрядов самообороны против Муэтдина (база его Иски-Наукат и Кичик-Алаи). Что в свою очередь уронило значение Муэтдина и привело к усилению влияния Ширмата, которому подчинилось все долинное басмачество.

В то же время свобода торговли резко оттолкнула от басмачей все влиятельные торговые элементы. Город и базар мечтают только о наживе. До них доходят слухи о возрождении ташкентского купечества, о его крупных барышах. Стремление к наживе властно захватывает

баиские круги, которые немедленно примиряются с Советской властью, как только она перестает давить на их карман. Басмачество же разоряет кишлак, запрещает подвоз к базарам, накладывает контрибуции, истощает покупательную и производительную способность кишлака и аула. Вот маленькие примеры: „Пятидесятнику Матаджанбаю от командира войск ислама Шакира-Ходжа-Гази экстренное распоряжение: Предписываю Ахундбаю-Иликбаши к вечеру понедельника приготовить в пользу войск ислама один миллион руб. Место печати“, или „Приказ пятидесятнику Тохтасуну. На основании распоряжения господина Исраил-бека-Гази предлагаю вам немедленно собрать с жителей баиского класса 300.000 р. и предоставить в пользу мусульманских аскеров. В случае промедления их в присылке, подвергну вас строгому наказанию. Приложил печать Командующий аскерами Казак-Бай“.

Такие распоряжения сыпались на голову населения десятками. А с другой стороны части войск и продорганы нещадно собирают и разверстку и налог; зарегистрированы случаи, когда фуражировочные отряды забирали в „счет налога“ до 200% надлежащего сдаче количества.

Утомление народных масс становилось все более и более серьезным фактором. Его отлично использовало и учло духовенство, „улема“, своими экономическими интересами всецело связанное с чающими спокойствия и барышей торговыми кругами. Вот что говорит доклад Политотдела Ферганской группы: „Это превосходно учитывается духовенством, которое, дабы не оторваться от населения, определенно поддерживает нас, предлагая даже свои услуги для пропаганды наших требований“.

Руководители басмачества к осени 1921 г. почувствовали, что их положение пошатнулось: лозунги защиты шариата, ислама, автономии значительно потускнели под влиянием неприглядного грабежа „войск ислама“. Желание передышки, возможности реализовать урожай высказывалось населением все решительней и решительней.

Выпустив в конце июля ряд широковещательных и наполненных самыми фантастическими сведениями прокламаций (смотри приложение № 12) Ширмат в первых числах августа соглашается на ведение переговоров.

Руководители басмачества полагали необходимым широко выдвинуть вопросы защиты шариата, внутреннего уклада жизни, автономии и т. п. и, рассчитывая на отказ представителей власти, надеялись вновь найти поддержку у населения. С другой стороны они рассчитывали оставить за собою выгодное для них положение „советских“ курбаши, что при сохранении оружия и признании принципа „невывода“ оставило бы им фактическую власть над населением. Участник переговоров, член РВС Фергруппы, тов. Березин весьма метко и правильно оценивает затаенную мысль Ширмата в следующих словах: „Переговоры не означали капитуляции басмачества. Это есть с их стороны попытка мирно вращать в общественный организм Ферганы, попытка легализовать свое положение. Для них не важна организация власти, вернее, всякая власть есть враждебная им сила, так как всякая власть будет с ними бороться, не давая им жить за счет населения. Поэтому вопросы высшего порядка мало интересовали басмачей, а главным был вопрос о сдаче оружия, т.-е. о том, будет ли в дальнейшем, правда, под другой вывеской, существовать этот паразитический нарос на теле Ферганы“.

Во всяком случае выигрывалась передышка для населения, хотя бы на время переговоров; что важно для реализации урожая.

Обстановка была учтена. Об'единенное заседание Комиссии ВЦИК и РВС Туркфронта 15 августа 1921 г. вынесло историческое решение о переговорах, составившее поворотный пункт в истории ферганского басмачества и всего Туркестана. (Смотри приложение № 13).

Переговоры были обставлены весьма торжественно. Прибыли из Ташкента т.т. Иоффе (член Турккомиссии), Тюрякулов (ЦККПТ), Рахимбаев (Турцик) и, сопровождаемые командующим Ферганской армейской группой тов. Зиновьевым, с военными и политическими представителями выехали навстречу Ширмату и его влиятельному сподвижнику Алиару.

Предварительно был проведен ряд совещаний с представителями духовенства и торговой интеллигенции в Коканде, на которых достигнуто соглашение по вопросам известных уступок по вакуфам, суду казиев и т. п.

Мероприятия эти, предполагаемые в виде опыта в Фергане, должны были окончательно поколебать авторитет басмачей, якобы защитников шариата и выявить перед всей массой населения, что заранее предполагаемый срыв переговоров произойдет вследствие эгоистического отказа курбашей сдать оружие и обратиться к мирному труду.

Духовенство несомненно жаждало вновь обеспечить себе источники дохода и свое положение в суде; басмачи в этом вопросе не считались с мнением улемы и назначали казиев сами, по своему выбору: „Чимбагицкому старшине. Приказ. Настоящим извещаю всех пятидесятников и приказываю, согласно приказа главнокомандующего мусульманскими отрядами, воинственного Ширмат-бека, назначен народным судьей мулла Абдул-Карим, мулла Магомет-Назар-Ахубунов, который будет разбирать дела по шариату. О чем извещаю все население, чтобы обращались к народному судье. Аскар-Алия. М. п. Паитского управления“.

Переговоры, как и ожидалось, начались с принципиальных вопросов, выгодных для басмачей. Вот что гласит телеграмма т. Тюрякулова от 4 сентября о результатах переговоров 2-го сентября.

„Во время переговоров выяснилось, что центральным вопросом, на котором должно было произойти столкновение различных точек зрения, явился вопрос не о шариате и автономии, а об оружии. Так или иначе, но басмаческое духовенство и буржуазия вынуждены были пытаться разбить нас на вопросах о национально-культурной автономии всего Туркестана, неприкосновенности шариата, восстановлении суда и юстиции по шариату, частной собственности, права наследования и т. п. вещах.

Полагаю, что, разбив противника по всем этим пунктам и начав сейчас же после переговоров политическую кампанию среди утомленного войной населения в пользу мира и хлеба, мы добились политической изоляции басмачества от влиятельного духовенства. Во время его переговоров представители его были даже удалены из совещательной комнаты по требованию Курширмата.... я считаю, что вопрос о разоружении сам по себе не является для нас главным, а нашей главной задачей было политическое разоружение басмачества, чего мы и добились.

Независимо от исхода переговоров, необходимо произвести решительно, в самом спешном порядке, целый ряд политических и организационных, грубо говоря, переворотов в области советского строительства Ферганы и сейчас же усилить до максимума военную борьбу с басмачеством". В тот же день последовал ответ из Ташкента, в котором тов. Томский, председатель комиссии ВЦИК по делам Туркестана, полагая, что все „в общем правильно и благоприятно“, вносит следующие коррективы: „Вопрос о разоружении продолжаю считать основным, что подтверждается и отношением басмачей к этому вопросу. „Семейное право“ и „шариат“ введен лишь для тех, кто пожелает судиться по нему. Выборность беспартийных народных судей провести немедленно, как демонстрацию, против вакуфов нет возражений, при принятии соответствующих мер против их расширения.... Широко опубликовать заключение нами мирного договора с Афганистаном, упоминая о мирном договоре с Англией. Непременное осторожное отношение к населению и отмена беспорядочных арестов. Непременная свобода торговли и право переезда имущества, скота и проч.“

Мы видим, что переговоры привели к реальным результатам: они расслоили единый до сего фронт противников Советской власти и привели власть к правильным мероприятиям, вполне отвечающим действительной обстановке и поставленной цели. Вырвать опору населения из под басмаческого здания можно только путем привлечения населения на сторону власти.

Если городской житель, торговец и кустарь ободрились при НЭП, если декханин рано или поздно почувствует выгоду продналога, то влиятельное духовенство и либеральная полуинтеллигенция и буржуазия удовлетворены сделанными уступками. Басмачество остается в воздухе: ему некого „защищать“—все подзащитные уже удовлетворены.

Неудача переговоров по вопросу о разоружении ставила определенно задачу решительного военного нажима на долинное басмачество Курширмата. Естественно, что явилось вполне целесообразным использовать национальную вражду киргизских отрядов Муэтдина, тем более, что начало уже было положено путем присоединения к нам Джаны-бека и формирования из его отрядов 8-го Фер. Тер. Мускавполка.

Раскол между Муэтдином и Джаны-беком объясняется тем, что первый, представитель рода Ичкилик, а Джаны-бек—глава рода Отузоглы, имеющий традиционное родовое преимущество у ферганских кочевников киргиз. Поэтому для Джаны-бека подчинение Муэтдину, авантюристу с темным прошлым невыносимо по двум причинам: унижение своего первенствующего рода и личная гордость, как фактического главы своего племени.

Муэтдин в свою очередь нуждался в передышке и в восстановлении своего престижа равно не прочь был свести счеты с Ширматом, подчиненные курбаши которого нарушали границы „владений“ Муэтдина.

10 сентября состоялась встреча т. Тюракулова и Муэтдина и на следующий день переговоры были оформлены на ст. Горчаково, причем согласно телеграммы Тюракулова содержание соглашения вкратце следующее: „Муэтдин-бек признает Соввласть и безусловно подчиняется ее распоряжениям“.

Советская власть—власть трудящихся, стремящихся к осуществлению трудовых прав народа, согласно чему шариат сам по себе неприкосновенен. Общая амнистия муэтдиновцев и невывод их из Ферганы.

Свободный товарообмен и мелкая торговля на рынках, продналог снимается в Муэтдиновских районах по выяснению состояния совместно с представителями населения. Муэтдину предоставляется возможность доказать искренность путем прохождения предварительного искуса....

Этот факт произвел колоссальное впечатление, особенно при встрече муэтдиновцев с курширматовцами. Среди рядового басмачества, успешного вкусить удовольствие мирной жизни при домашней обстановке—брожение. Политическая единая антисоветская фронда разбита по двум центробежным силам“. Переговоры выявили:

1) Отсутствие единства в басмаческом лагере.

2) Миролюбивое настроение Алиара, по настоянию которого Ширмат не прервал переговоров 28 августа, а протянул их еще до 2 сентября.

3) Личную ограниченность Ширмата, всецело находящегося под влиянием окружающих его советников, определенно буржуазного происхождения.

4) Возможность соглашения с муэтдином.

Ширмат несомненно был вынужден на переговоры общим настроением кишлака; попытка удержать свой престиж не удалась, пышные лозунги и требования оказались ударом по воздуху, т. к. нашими предложениями были предвосхищены. Остались неприкрытые уже шкурные интересы Ширмата и его „кадровых“ басмачей, не желающих отказаться от паразитического существования за счет обираемого населения. Кто же удержал Ширмата на непримиримой позиции. Все те же, старые наши знакомые: бывш. кокандские автономисты, разоренные Октябрьской революцией крупные собственники, для которых НЭП является несущественной мелочью, деклассированный элемент, бывшие чернорабочие хлопковой промышленности не имеющие связи с землей, для которых басмачество стало ремеслом, вне которого неприкрытая уголовщина или голодная смерть, наконец оставшиеся за бортом „советские“ работники шовинистического толка (Джуназаков и проч.) пытающиеся возродить басмачество в виде национально-политической силы времен Мадамин Бека.

Окончания распри мирным путем добиться не удалось и вновь пушено в ход оружие—комбинированной операцией против Курширмата, с участием отрядов киргиз муэтдиновцев.

Ферганская область об'явлена с 13 сентября на положении чрезвычайной охраны, и вся власть и руководство борьбой с басмачеством переходит исключительно командующему Ферганской Армейской группой войск. Особым циркуляром (приложение № 14) Реввоенсовет фронта преподает командному и политическому составу группы ряд руководящих указаний. „Всем работникам Красной Армии нужно твердо помнить азбучную истину гражданской войны (а особенно партизанской), каковой является война в Фергане, и к тому же в своеобразных условиях, что без поддержки населения Красная Армия ничего не может сделать... Наша главная задача—добиться полного доверия туземного трудящегося населения, поднять в его глазах авторитет, как Красной Армии, так и Советской власти“.

Итак—вновь брошено басмачество на весы военного счастья. Ширмат поставлен в трудное положение. Он политически разбит и изолирован, ряд слоев населения от него отшатнулось, спасительные предгорья и горы для него закрыты—на севере—Рахманкулом, на востоке—Джаныбеком, на юго-востоке—Муэтдином. Его ближайший помощник Алиар вызывает неуверенность и даже заключает сепаратное соглашение с Соввластью, перейдя на сторону Красармии с 300 джититов и обязательством держать нейтралитет.

Вся полнота власти сосредоточена в руках Комьойск группы—казалось бы условия в высшей степени благоприятны для несения действительно сокрушающего удара.

Но мы знаем, что его не последовало, что он пришелся по воздуху и что шайки Ширмата и через год после переговоров все еще отравляли спокойствие измученного населения.

Для достижения военного успеха необходимо иметь боеспособные части, это особенно важно в малой войне, где части войск раздроблены на небольшие отряды и где энергия, знания и мужество младшего начальства и рядовых бойцов играют главную роль.

Каково же было состояние войск?

Чтобы не быть голословным, приведем свидетельство документов. В докладе от 10 сентября 1921 г. № 449/с Начпофергруппы говорит:

„В конце августа, в первых числах сентября, я совместно с членом РВС тов. Березиным производил обследование частей на месте и ознакомление с той обстановкой, в которой живут или вернее прозябают наши красноармейские части.

Приведу один из характерных примеров. Гарнизон „Зеленый мост“ на жел.-дор. линии Андижан—Наманган 5 рота 17 т. стр. п. По списку 22 человека, налицо 11 чел. стрелков и пулемет с 9-ю людьми. Больных один (считается только тот, кто не может совершенно подняться с постели—половина болеет малярией).

Остальные хотя и больны, но службу не оставляют. Гарнизон имеет шесть постов (в том числе один наблюдатель).

В наряды ходят бессменно, в том числе каптенармус, писмоводитель, политрук. Ротный командир бессменный дежурный по „гарнизону“.

Рота совершенно оторвана от внешнего мира, разведка ходит редко, через нее и поддерживается связь с Андижаном. Гарнизон стоит бессменно пять месяцев. О какой-либо широкой политработе говорить не приходится; едва хватает времени прочесть газету, которая туда попадает редко, вследствие плохой связи.

Обуви у большинства кр-цев совершенно нет, половина ходит разутой, другая в каких то опорках.

Шинелей также нет ни у одного. Ночи стоят весьма холодные. Белье тоже почти все порвалось. Красноармейцы производят своим видом весьма грустное впечатление.

А таких гарнизонов, как этот—большинство. Группа фактически разута: 50% совершенно не имеют какой бы то ни было обуви, 25% имеют на ногах какие то опорки, перевязанные тесемочками и веревочками, 25% и то с громадной натяжкой—имеют более или менее сносную обувь. Шинелей нет, зимнего обмундирования тоже нет, летнее поизносилось, в белье ощущается громаднейший недостаток.

В продовольственном отношении дело обстоит не лучше, чем с обмундированием, бьемся изо дня в день, запасов в частях никаких нет, ошей совершенно не получают, мясо тоже большая редкость.

Красноармейцы два месяца не получают жалованья благодаря отсутствию денежных знаков. В частях громаднейший некомплект, полки занимают громадные участки 10—15 гарнизонами. Управление и руководство со стороны полкового аппарата совершенно выпадает, связь между частями весьма слаба“.

Доклад о состоянии снабжения войск Феробласти на 1 октября 1921 года гласит: „Принимая во внимание ранее выданное обмундирование и обувь, обеспеченность частей войск в процентном отношении выразится так: шинелями 60%, полушубками 10%, бельем 80%, обувью 75%. Сведения эти составляют результаты книжных цифр, в действительности процентная обеспеченность частей безусловно ниже... Все кавалерийские части снабжены на 75% седлами казачьего и сартовского образца, которые для верховой езды совершенно непригодны вследствие плохого качества материала. Денежным довольствием части удовлетворены за сентябрь 50% и за октябрь 20%. Острый недостаток в частях ощущается в запасных частях к пулеметам и винтовкам, штыках и шомполах, недостаток которых выражается примерно в 25%“.

Политсводка за июль дает следующие данные: „дезертировало за месяц 13 человек, наблюдался также переход к басмачам с оружием: 7 человек комсостава и 1 красноармеец. Отношение населения к красным в ряде местностей враждебное.

...В пехоте снабжение продовольствием и фуражем неудовлетворительное, были случаи неполной выдачи. В коннице снабжение продовольствием среднее, фуражем же в частях находящихся в операциях среднее, а в гарнизоне—плохое. С 1 мая по 1 августа пало 200 лошадей. Боеспособность красноармейцев и комсостава удовлетворительная в стрелковой дивизии ниже, на ней отражается недостаток продовольствия и обуви“.

Тяжелая картина. Отсюда ясно, как бесконечно трудно обойтись без реквизиции „в счет продналога“ и каких усилий должно стоить выполнение директивы РВС: „Необходимо внимательное, предупредительное отношение к кишлячному населению, безусловное недопущение каких бы то ни было насилий, мародерства, бандитизма, со стороны наших частей“.

Войсковая масса усталая, не имеющая отдыха, разбросанная мелкими отрядами среди чуждого ему по языку и обычаям населения, полуодетая и живущая в буквальном смысле слова впроголодь—лишена к тому же своевременной политической обработки. Политруков налицо около 40% и то удовлетворительных только 10%. Военком далеко, свой низший командир невольно заражается общим настроением.

Противник, зная удрученное состояние войск, не упускает случая подействовать на них разлагающе. (Прилож. № 15 и 16).

Немудрено, что масса рассматривает борьбу с басмачеством как войну „русских с сартами“. Ведь так определенно смотрит противный лагерь. А пока, политическое поражение и „изоляция“ басмачества проникнет в недра кишлака—у красноармейца полное впечатление „единого противосоветского фронта“, ему противопоставленного.

Басмачи нападают на каждый малый отряд. Выйти за дровами, за фуражем, за водой нельзя. Надо идти целыми партиями и ожидать нападения отовсюду, не исключая и мирных жителей.

В апреле 1921 года исполком села Гава отпустил 20-му Турк. стрелковому полку мясо, отравленное анашей. Пострадало свыше половины полка; благодаря своевременно принятым мерам, смертельных случаев не было. Одновременно произведено нападение басмачей — отбитое здоровыми бойцами. В результате отношение кр-цев 20-го стр. полка к населению враждебное, населения к частям скрыто-враждебное. (Политсводка за 8—15 апреля 1921 г.).

Настроение Н кавполка рисуется так: „3-й год без отдыха, угнетенное настроение, кр-цы угрожают дезертирством“... „55% наличного состава больны“, 90% пополнения неграмотно, в обозе Н бригады по штату 435 лошадей и 188 повозок, а налицо 14 и 4, когда же мы выйдем из этих проклятых кишлаков?“

Нравственное напряжение в борьбе с сокрушающими условиями падает у самых сильных. Донесение о самоубийстве военкома кавэскадрона указывает следующие причины: „оно вызвано мародерством и безобразием, происходящими в части, чего натура его не терпела и не перенесла“. Самоубийство ад'ютанта Н бригады вызвано „возложенными на него, как на добровольного работника, непосильными работами“.

Прибавим к этому сеть басмаческого шпионажа, буквально опутавшую каждый гарнизон (с 29 на 30 октября 1921 года за шпионаж, скупку оружия и патронов расстреляно 20 человек)—и мы получим яркую картину испытаний многострадальных частей Красной Армии Ферганского фронта.

ГЛАВА IX.

Заключение.

Мы разобрали все факты постепенного зарождения и развития басмачества и, опираясь на многочисленные документы, дали оценку всей системы борьбы с басмачеством.

По нашему убеждению, на правильный путь мы вышли только после того, как в процессе переговоров окончательно выяснили все основные причины сочувствия населения басмачам и, не побоявшись сделать политико-экономическое отступление, решили во что бы то ни стало выбить из-под басмачества этот фундамент. (Прилож. №№ 17, 18).

Этот шаг совершенно правилен и с военной стороны, так как ликвидация отрядов, ведущих малую войну, возможна только при активном содействии самого населения.

Только вкратце остановимся на событиях 1922 г., так как еще нет возможности окончательно объективно оценить их.

Басмачество с весны 1922 г. пыталось стать под новое знамя, которым рассчитывало поддержать свой сильно поколебленный авторитет. Это лозунг панисламизма—лозунг, брошенный Энвером-пашей.

Вдохновитель восточно-бухарских повстанцев, бухарской контр-революции, беспорядков в Самаркандской области—Энвер не мог не обратить внимания на догорающий уже ферганский очаг. Услужливые иностранные радио не раз предвосхищали в своих сообщениях планы Энвера, якобы занявшего Скобелев и наступающего на Коканд. Мы знаем, что до этого не дошло и что под Байсуном на границе между Восточной и Западной Бухарой Энвер был разбит и затем окончательно добит лихой Красной конницей в горных трущобах, где в бою 4 августа сложил свою голову. На Фергане существенно его влияние не отразилось, но можно с уверенностью сказать, что если бы Энвер начал свою авантюру с весны 1921 года, когда массы ферганского населения активно еще поддерживали басмачество, результат был бы другой, гораздо более опасный для Советской власти в Туркестане.

Вырождение идейного басмачества в простое, закоренелое разбойничество—широкое усвоение этого взгляда массами коренного населения составляет крупнейшую победу на басмаческом фронте с 1918 г. по 1922 г. И победа эта одержана комбинированными военно-политическими мероприятиями.

Население стало активно помогать Красной Армии. Красной Армии осталась трудная и почетная задача—помочь истощенному населению окончательным уничтожением шаек профессионалов-грабителей.

Басмачество завершило свой круг. Начавшись разбойничеством, перейдя постепенно стадии: борьба за автономию, контр-революцию, народное восстание, панисламизм, оно вернулось опять к профессиональному разбойничеству.

Всякая идейность от басмачества ныне отпала. Остались преступники, с которыми следует поступить, как с преступниками: возможно скорее и решительней изъять их из среды мирного населения.

Одной механической борьбы с разбойничеством мало. Необходимо было создать такие экономические условия, в которых оно не могло бы иметь места, которые бы лишили его притока живой силы.

Вспомним, что первым толчком, бросившим массы безработных в ряды басмачей, был крах хлопководства. Возобновление хлопковой культуры в Фергане даст вновь возможность вернуться к производительному труду множеству разоренных и обнищавших декхан, составляющих еще и по сейчас не малую часть басмаческих отрядов.

В этом отношении весьма знаменателен доклад тов. Сафонова (первый комферфронт 1919 года) на 1-м съезде Эконо Туркеспублики, где он выступал в качестве представителя Семиростройки (Семиреченской желдороги).

„История точно устанавливает, что жизнь Ферганы была сплошь заполнена басмачеством и это явление прекратилось потому, что появилось промышленное хлопководство, которое повысило трудоемкость площадей густо населенных земледельческих районов Ферганы“.

Заслуживает не меньшего внимания и доклад Хлопкома на том же совещании: „Без восстановления хлопководства Туркестанское хозяйство не будет восстановлено и с басмачеством не будет покончено. Декхане начнут сеять хлопок лишь после того, как получают хлеб в количестве, превышающем урожай их собственных участков по ценам в 2 с половиной—3 раза дешевле, чем хлопок“.

К этому можно прибавить, что подвоз хлеба из России вряд ли осуществим в ближайшие годы, почему решающее значение играет скорейшая достройка Семиреченской железной дороги, для обеспечения Ферганы собственным туркестанским хлебом.

Так, явление, представлявшееся в течение нескольких лет, как продукт религиозных, политических и национальных причин, при детальном его исследовании оказывается всецело основанным на причинах экономических и социальных.

Кто не захочет этого понять, тот долго будет вести „решительные операции“ и „ударные кампании“ без полезных результатов.

Приложения.

Приложение № 1.

Туркестанские Ведомости (орган Совнаркома) от 12/25 декабря 1917 г.,
№ 192 (254). Местная хроника.

К предстоящей манифестации мусульман 13 декабря.

„На состоявшемся совместно заседании Совнаркома и Исполкома, обсуждая вопрос о предстоящей манифестации мусульман по поводу объявления Кокандским съездом автономии Туркестана, СНК и ИК, приветствуя автономию, как одно из завоеваний революции, считает все же, что пока не закреплены завоевания революции и самой революции угрожает опасность со стороны контр-революционных сил, а следовательно, и опасность самой автономии Туркестана, власть в крае должна быть сосредоточена только в руках революционной демократии, т.-е. Советов, Р. С. и К. Д., и никакая другая власть допущена быть не может.

СНК и ИК решили принять самое деятельное участие в манифестации.

В виду возможных провокационных выступлений со стороны безответственных лиц СНК и ИК постановили, что манифестация должна ограничиться только туземной частью города“.

Приложение № 2.

Доклад Сали Макзума Азмеджанова, личного друга и помощника Мадамина, видного курбаши, сделанный им в августе 1921 г. командованию Туркфронтом.

„В конце 1917 года группа буржуазного элемента объявила автономию Ферганы, выбрав своей резиденцией гор. Коканд. Вокруг автономного правительства Ферганы сконцентрировались все мелкие шайки разбойников, действовавших в Ферганской области, во главе которых стал некто Иргаш, который и положил начало нынешнего басмачества.

В это время я с Мадамин Бекон Ахмедбековым были выбраны начальником (Мадамин) и помощником (я) мусульманских отрядов гор. Старого Маргелана, какое назначение последовало 1 марта 1918 года. Более 10 месяцев служили мы верой и правдой Соввласти, непрерывно дерясь с противниками власти во главе с Иргашем.

В это время комиссаром в ст. Маргелане был тов. Сугробов, который рядом нетактичных шагов, беспричинными расстрелами и арестами, конфискациями и реквизициями, переходящими в открытый грабеж, опечатанием мечетей и священных книг в высшей степени настроил против себя все население, и мы с Мадамин Бекон, считая невозможным работать при подобной обстановке, сдав оружие Соввласти, решили ни во что не вмешиваться и заняться сельским хозяйством. Но нас в покое не оставили, и, разграбив все наше имущество, Сугробов и помощник его Семенов сожгли наши дома.

Решив, что власть нам житья не даст и озлобленные против действий власти, мы организовали отряд и начали с этого момента борьбу с подобными представителями власти. Население целиком было на нашей стороне, т. к. власть рядом действий продолжала настраивать против себя, и население видело в нас своих защитников.

В течение трех месяцев наш отряд достиг 1000 человек. Таким образом, в образовании басмачества в крупном размере целиком виновны тогдашние представители власти, которые, незаконными действиями восстановив против себя население, создали ложный взгляд у него на власть Советов, считая ее угнетателем и врагом мусульманского народа, и нас с Мадамином, служивших Соввласти, сделали главарями повстанцев.

Против нас начали действовать правительственные войска, представлявшие из себя в то время плохо организованные партизанские отряды и „армянские дружины“, зачастую избегавшие столкновений с нами и главным образом занимавшиеся грабежами мирного населения, насилием женщин, поджогами и проч., и благодаря таким действиям в короткое время вся Фергана об'ята пламенем восстания. Такие большие торговые центры, как Шаарихан, Балыкчи, Тода, Кокан-Кишлак, Сузак, Базар-Курган, Ош и проч., были уничтожены огнем. Такие меры борьбы безусловно не могли иметь успеха, и отряды повстанцев увеличивались как снежный ком, привлекая в свои ряды всех угнетенных, ограбленных, родственников убитых и др... С начала войны мы держали в городах своих агентов, которые наблюдали за действиями власти, и к концу 1919 года, когда Туркеспублика соединилась с центром, мы заметили резкую перемену политики и оздоровление местной власти.

Начиная с середины февраля мы, по предложению Красного Командования, начали мирные переговоры, и 2 марта был заключен мир, на условиях полной амнистии участникам восстания, неприкосновенности религии, шарната, землепользования и торговли.

Мадамин Беку Ахмедбекову и мне удалось в короткий срок объединить все мелкие басмаческие шайки и подчинить Соввласти, при чем некоторые ненадежные отряды были обезоружены. Только один главарь шайки Курширмат не подчинился приказу Мадаминбека и ушел в горный район Караул, Дараут-Курган, Алайская долина.

С заключением мира Мадамин Бек был вызван в г. Ташкент, где, представившись власти, полный надежды в успокоении Ферганы и верой в власть, вернулся в Фергану и сейчас же поехал в горный район, с целью уговорить Ширмата подчиниться власти и водворить мир и успокоение среди разоренного населения Ферганы. Но Ширмат и Халходжа отказались подчиниться, предательски захватили в плен Мадамин Бека и умертвили его, как изменника.

Власть, не веря в смерть Мадамин Бека и думая, что он опять ушел к басмачам, частью обезоружила в конце мая отряд Мадамин Бека, часть же во главе со мною вынуждена была бежать до выяснения правды, но правительственные войска, преследуя меня, рассеяли мой отряд и я с частью джигитов явился в Скобелев и сдал оружие... В дальнейшем, после перехода отрядов Мадамин Бека на сторону власти, одним из факторов развития басмачества послужило изменение политики правительства в середине 1920 года, выразившееся в закрытии базаров, хлебной разверстке, установлении реквизиционных цен, а также в поголовной мобилизации мусульманского населения, проведенной в высшей степени неумело, в результате чего отряды басмачей увеличились притоком новых сил и даже мусульманские части, верой и правдой служившие Соввласти (Ахунджан и быв Кара-Киргизский полк), начали разбегаться и усиливать шайки басмачей“.

Подпись на узбекском языке

Мухамед Салих Макзум Мухомеджанов.

(Дело № 35 за сентябрь 1921 г.

Опер. Отдела Опер. Упр. Штаба Т/Ф).

Р. С. Ф. С. Р.

9/xi—19 г.

№ 1676.

Приложение № 3.

Председателю Уездного Исполкома Дадабаеву.

Препровождаю при сем прошение сартянки Турун-Биби, РВС просит Вас дать по существу этого прошения подробное об'яснение и с таковым возвратить в Реввоенсовет.

Член РВС Слепченко.

Управделами Левашев.

В Р. В. С. Ферфронта.

Сообщаю, что ясно не помню, 9 или 10 месяцев тому назад некоторые граждане мусульмане гор. Скобелева между собою говорили, что по указанию агента Штаба Фронта Мирза Махмуд Кары Абду Кадырова взят в крепость Улук Бек Бекбаев, где он и был расстрелян. После расстрела жена его обратилась ко мне с заявлением, что мужа в крепости расстреляли и конфисковали наше имущество. Между прочим, жена покойного Бекбаева-Ирматова в то же время говорила, что муж ее взят агентом Абду Кадыровым по злобе, т. к. всем известно, что месяцев пять—шесть тому назад мусульмане ни малейшим доверием не пользовались и достаточно было кому-нибудь указать, что вот этот человек из разбойничьих банд, чтобы этот человек был взят в крепость и там расстрелян. Покойный Бекбаев по роду был извозчик и, могу сказать, один из самых благонадежных тружеников. Он убит из-за личных счетов гр. Уста Камила Атабаева, как мне заявила Ирматова.

10 ноября 1919 года.

Председатель Уездгорревкома Дадабаев.

Военная секция Цуардел.

Дела уполномоченного РВС по Фергане т. Брегадзе.

Приложение № 4.

Из деятельности крестьянской армии.

К-ру и Совету 4-го отряда.

21/хп—1919 г.

- 1) Сейчас же выслать в Джелалабад 2-х человек для связи (наблюдать).
- 2) Сейчас же выслать в Ивановское 50 человек, дабы быть готовым защищать свои и другие поселки. Если мы покажем свою силу, может все обойтись благополучно. В Джелалабад прибыло около 450 красноармейцев. Положение серьезное.

Команд. армией Монстров.

Прибыли для ареста штаба и разоружения армии.

Записка на клочке бумаги написана собственноручно, карандашом.

Приложение № 5.

Чрезвычайно экстренно.

Из деятельности крестьянской армии.

Командиру 4-го отряда.

Сегодня в полдень большевики сделали изменническое нападение на село Куршаб. Большевистские отряды, подойдя к Куршабу и видя, что там ведется охрана сторожевыми постами, завели переговоры с этой охраной, а тем временем зашли в тыл и открыли по отряду огонь. Открылась сильная перестрелка, в начале которой один солдат 9 отряда, Степан Мулин, был убит и несколько человек ранено. Дальнейшее неизвестно. Силы противника точно так же неизвестны.

В Джелалабаде имеется лишь небольшая часть 3-го полка, послать в Куршаб некого, т. к. на станции Султанабад также стоит до 300 человек большевистских войск.

Поэтому приказываю:

Всех солдат 2-го и 3-го полка в полном боевом вооружении и с запасом белья выслать в Джелаль Абад немедленно.

Помните, что если мы сдадим Куршаб—могут быть разгромлены все поселки. Противник берет только нахальством и обманом, но если мы не соберем своей силы—он может нас разгромить.

Наша новая союзница, мусульманская армия, ушла, получив специальные задачи, и скоро возвратить ее нельзя и только небольшая часть ее послана в сторону Куршаба, что недостаточно, и поэтому необходимо выслать людей, как я приказываю.

Приказ этот прочесть отряду перед строем. Выслать людей в порядке, в строю, при старших.

В этот серьезный момент промедления и малодушия не должно быть.

Командующий армией Монстров.

Начальник Штаба Десятков.

Ад'ютант Кравцов.

3 сентября 1919 г.

Джелаль Абад, 12 ч. ночи.

Приказ по Народной Армии

10 сентября 1919 года.

№ 73.

От командующего войсками Народной Армии Монстрова.

Я получил сообщение, что Гульчинский отряд в числе 150 человек с пулеметами и бомбометами перешел на нашу сторону, помимо того, что было взято в Оше. Поздравляю Народную Армию, которая своими светлыми идеями свободы привлекает к себе без боя целые воинские части с их оружием.

Закомвойсками Начальник Штаба Десятков.

За Адъютанта К. Наумов.

М. П. Штаба
Крестьянской Армии.

Приложение № 7.

Из деятельности крестьянской армии.

П р и г о в о р.

1919 года августа 28 дня мы, нижеподписавшиеся, крестьяне поселка Дмитриевка Андижанского уезда Ферганской области, быв сего числа на сельском сходе сорока восьми домохозяев, а всего в поселке числится 48 дворов, под председательством Военсовета Тимофея Ворошнина, помощника командира 4 отряда Якова Подобаева и сельского комиссара Кирилла Редько. Где была вычитана нам выписка из протокола Военного Совета от 22 августа с. г. (в селе Благовещенском о немедленном выступлении на Андижан в союзе с Мадамином).

Разобрав настоящее постановление, сельский сход призвал его невыносимым и вызывающим всецело к братоубийственной войне, а как мы, крестьяне, заявив себя беспартийными, выполнить настоящей задачи не можем, лишь только стоять на страже самозащиты от разбойничьих банд. И просим ускорить созыв Военного Совета и увеличить число делегатов от каждого отряда и также просить делегатов от Советской власти разобрать совместно настоящее возникшее положение, вызывающее к тревоге все трудовое крестьянство, в чем подпись.

Подписи.

С приговором верно:

Дмитриевский сельский комиссар Неграм.

М. П.

Приложение № 8.

Из бюллетеня о политическом состоянии частей, расположенных в Ферганской области, за 29 мая 1920 года.

Из селения Вуадиль главарями басмачей Курширатом и Алиаром уведено населения до 200 человек, некоторые из них пытались бежать, за что были расстреляны. Положение населения печальное. Мусульмане просят красноармейцев, как можно скорей избавить их от басмачей. Из села Каптархана разбойником Ергашем под угрозой увезена и изнасилована девочка 11 лет.

Джигиты отряда Туйчи занимаются грабежами, насилиями и мародерством. Шкатуловым арестованы агенты Курширмата по скупке оружия и доставке всякого рода фуража, им же было устроено в селении Шахи-Мардан в присутствии джигитов отряда Туйчи и всего населения собеседование, на котором тов. Шкатуловым, между прочим, было предложено мусульманам отбросить боязнь басмачей и выдавать их агентов и шпионов, укрывающихся в кишлаках, на это предложение тут же были приведены 4 лошади и одна корова Алиара, затем были указаны две жены Алиара, которые просили вывести их из Шахи-Мардана, так как джигиты Туйчи намере-

ваются их изнашивать. Кроме того, были указаны три разбойника раненых, из шайки Алиара, оказавшиеся голыми; распросами удалось установить, что их раздели джигиты Туйчи; далее население стало жаловаться на джигитов Туйчи, что они у населения забирают все имущество и зерно, после указания на ненормальность подобного поведения джигитов последние стали жаловаться Туйчи, что Шкатулов и милиционеры отбирают добычу, взятую у Алиара—двух жен и мальчика. (Последние расстреляны); что он ругает самого Туйчи и угрожает разоружением его отряда. Заявление джигитов Туйчи принял к сведению, и собрав население стал указывать, что он, Шкатулов, приехал организовать какую-то ячейку, товарищеский суд и таким путем добился того, что население, до того хорошо относившееся к Шкатулову, тут же вдруг стало против него и согласилось на предложение Туйчи всех расстрелять, расстрел однако не состоялся, но Шкатулов и милиционеры подверглись наглým оскорблениям и издевательствам. Один из взятых Шкатуловым туземец, скрывавшийся от Туйчи, был расстрелян.

Военная секция Ц у а р д е л.
Дела военкома 2-й Турк. стрелковой дивизии.

Приложение № 9.

Обращение комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Турк. Ц. И. К.

Ко всем курбашам и басмачам.

Четыре года уже тянется борьба между басмачами и Советской властью, четыре года население Ферганы страдает от боевых действий басмачей и Красной армии, четыре года нет в Фергане спокойствия, необходимого для правильной хозяйственной жизни, для восстановления разрушенного хозяйства, для ремонта арыков, для посевов хлопка и хлеба.

Пора положить конец этому невыносимому состоянию.

Со всех концов Ферганы поступают пожелания населения о скорейшем заключении мира. Подавляющее большинство населения сейчас против басмачей, которые мешают восстановлению спокойствия. Часть басмачей и курбашей начинают понимать непосильность дальнейшей борьбы, чувствуя потерю своего влияния среди населения и обращается к Советской власти с предложением мира.

На днях с таким предложением обратились курбаши Муэтдин и Ислам-Кул. Они предлагают разоружить и распустить по домам большую часть своих джигитов, оставив при себе только небольшие отряды, по 60 человек, которые будут считаться на советской службе и будут вести борьбу с другими басмаческими бандами.

Комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов по делам Туркестана и Центральный Исполнительный Комитет Советов Туркестанской Республики, идя навстречу пожеланиям населения Ферганы, решили принять все меры к тому, чтобы покончить с басмачеством и добиться восстановления мира и спокойствия.

В этих видах Комиссия Всер. Центр. Испол. Комитета Советов по делам Туркестана и Центр. Испол. Комитет Советов Туркестанской Республики постановили гарантировать полную личную и имущественную неприкосновенность всем курбашам и басмачам, которые добровольно сдадут оружие Красной армии и разойдутся по своим домам для мирного и благотворного труда.

Никаких Советских курбашей и Советских басмаческих отрядов!

Такие отряды, как показал опыт, под Советским флагом продолжают свою прежнюю разрушительную работу и ложатся тяжелым бременем на мирное трудовое население. Красная армия и туземная милиция легко сами справятся с теми мелкими басмаческими отрядами, которые останутся после того, как крупные сдадут оружие и разойдутся по домам. Если Муэтдин и Исламкул, с их джигитами, не примут теперь тех милостивых условий, которые им предлагает Советская власть, то вина за продолжение военных действий падает целиком на них. И пусть помнит Муэтдин и Ислам-Кул, что большинство их джигитов жаждет мира настолько, что, покинув их и сдав оружие, разойдутся по домам, а они останутся только с русскими белогвардейцами и туземными контр-революционерами и вместе с ними, совместными усилиями трудового населения Ферганы и Советской власти будут беспощадно истреблены до последнего человека.

Комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов по делам Туркестана и Центральный Исполнительный Комитет Советов Туркестанской Республики приглашает всех курбашей и басмачей немедленно отозваться на их призыв, с тем, чтобы к наступающему весеннему посеву был восстановлен мир и обеспечено полное спокойствие труженикам-деханам. Медлить дальше нельзя.

Советская власть приняла решительные меры к восстановлению свободы религиозных верований и обычаев населения Ферганы и она уверена, что все граждане Ферганской области окажут полное содействие ее представителям и Красной Армии в скорейшей ликвидации басмачества.

Пусть этот призыв Комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской Республики будет последним призывом к населению Ферганы. Пусть этот призыв послужит началом мирного труда и процветания Ферганской области.

Да здравствует мирный труд.

Да здравствует трудящаяся Фергана.

Да здравствует Советская Власть.

Председатель Туркомиссии С. Гусев.

За председателя Турчика Тюркулов.

Приложение № 10.

Перевод с узбекского.

Архив Путурка. 1921 г. Дело № 5. Бюллетени Подива З. Отчет Поферобл. за июль 1921 г. № 457.

Ко всем нациям в Туркестанском крае.

От командующего войсками Ислама в Туркестанском крае Ширмата Бек-Гази.
1339 года Гиджры 6-го числа. Лунного месяца Зулькада.

№ 8. ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Вам всем нациям объявляю: полученные нами со всех сторон известия гласят, что с целью удаления с лица земли большевистских названий—иностранные державы в объединенном порядке, совершают против них грозное наступление.

1) Петроград перешел во владение иностранных держав.

2) Со стороны Сибири войска упомянутых держав вводят громадные силы.

3) Батум тоже перешел в руки иностранных держав, знамена которых в этом городе восстановлены.

4) В местности Чарджуи собираются войска иностранных держав и перейдут на территорию Бухары и Туркестана.

5) В Патта-Гиссаре ¹⁾ собрались иностранные войска 300.000 человек, которые намерены через Бухару пройти в Туркестан.

6) В местности Мургаб появилось до 200.000 иностранного войска, которое не сегодня-завтра появится в Туркестане.

— Эй! родственники мусульмане, открывая глаза, не обманываясь ложными словами хитрых большевиков, будьте осведомлены о происшествиях в странах, как подобает правоверным.

Командующий войсками Ширмат бек Гази.

Приложил печать.

Приложение № 11.

Выписка из протокола соединенного совещания комиссии ВЦИК по делам Туркестана и Реввоенсовета Туркфронта 15 августа 1921 года.

С л у ш а л и:

Условия переговоров с вождями басмачества в связи с телеграммой зам. представителя ВЧК тов. Уншлихт от 14 августа № 22211.

П о с т а н о в и л и:

1) Переговоры с отдельными вождями басмачей допустить и всячески использовать в политических целях.

2) Стремиться к переговорам с представителями всех басмаческих отрядов.

3) Заключение мира с басмачами и переход на нашу сторону их отрядов допускать на основе полного разоружения, что не должно исключать возможности оставления отдельным перешедшим курбашем небольшой личной охраны.

¹⁾ Около Термеза. Прим. Д. З.

4) Для руководства переговорами, а в случае надобности и для ведения самих переговоров командировать в Фергану по одному из членов Турккомиссии и РВС.

5) Предложить предстоящему X съезду Советов Туркеспублики обратиться ко всему населению Ферганы с призывом прекратить борьбу с Советской властью и о даровании амнистии всем прекращающим борьбу и сдающим оружие.

6) Во исполнение п. 4 настоящего постановления командировать в Фергану т.т. Тюрякулова и Баранова.

Журнал военных действий Т/Ф. за 1921 год, стр. 9.

Приложение № 12.

Выписка из циркуляра РВС Туркфронта.

Всем командирам, начальникам, комиссарам, политработникам Ферганской Армейской группы войск.

Начатые в первой половине августа и продолжавшиеся до 11 сентября мирные переговоры с басмачами окончены. В результате переговоров с курбашей Муэтдином-беком, возглавляющим басмачество кочевых и полукочевых народностей (кара-киргиз, тюрков, кипчаков, и др.) подписано соглашение о переходе его, вместе со своими джигитами, на нашу сторону, на основании признания Советской власти и обязательства вести вооруженные действия против отрядов Курширмата, по заданиям нашего командования. С остальными курбашами, включая и самого Курширмата, соглашение не достигнуто:—Курширмат и другие курбаши из сподвижников Ширмата отказались от заключения мира на основе выставленных нами условий, не соглашаясь на наши условия, главным образом не в политической их части, а в практической, в части, касающейся вопроса об оружии. Делегация противника, во главе с Курширматом, отказалась заключить мир на основе разоружения, что дает полное основание полагать, что у наших противников не было искреннего желания прекратить вооруженную борьбу и что этими переговорами преследовались и другие цели—достичь передышки, разложить наши части, выиграть время и снова начать свою преступную борьбу. Но наши противники в своих расчетах ошиблись: их замыслы нами своевременно были разгаданы, мы обмануть себя не позволили, передышку использовали для дальнейших активных операций и—что является наиболее важным фактором всех переговоров—достигли определенных политических эффектов, Мы со своей готовностью прекратить борьбу продемонстрировали перед населением свое миролюбие. Заключением мирного договора с Муэтдином-беком внесли разложение в ряды басмачества. В ближайшем будущем эти успехи несомненно станут наглядными.

Однако, для достижения полных успехов, теперь, после окончания мирных договоров, нужны активные военные действия с нашей стороны. Мы их уже начали.

В целях обеспечения всех необходимых условий, для успешного завершения начатых боевых операций и ускорения дела окончательной ликвидации басмачества Ферганская область с 13 сентября текущего года объявлена на положении чрезвычайной охраны.

В силу этого вся власть и руководство борьбой с басмачеством переходит исключительно командующему Ферганской Армейской группы войск, пользующемуся правами на основании положения о прифронтовой полосе действующей армии.

Новая обстановка ставит перед командным и, в первую очередь, политическим составом во всей широте вопрос вдумчивого и серьезного отношения к делу ликвидации басмачества и тесно связанного с ним дела строительства Советской власти в Фергане.

Всем работникам Красной Армии нужно всегда твердо помнить азбучную истину гражданской войны (в особенности партизанской), каковой является война в Фергане, и к тому же в своеобразных условиях, что без поддержки населения Красная Армия ничего не может сделать.

Сочувствия и активной поддержки действующие в Фергане части Красной Армии и органы Советской власти со стороны населения полностью не имеют.

Это объясняется многими причинами.

Недоверчивое отношение к строительству Советской власти и к русским красноармейским частям туземного населения в том числе и беднейшей его части, создалось благодаря 1) преступно колониальной политике царского правительства, 2) привилегированного положения вообще пришлого европейского населения (что достаточно не изжито и по настоящий момент), 3) жестокой эксплуатации трудящегося туземного населения всякого рода европейскими маклерами, 4) деятельностью органов Советской власти и ее представителей, порою ничем не отличавшейся от

деятельности старого правительства, 5) теми бесчинствами и грабежами, которые допускались отдельными частями Красной Армии, в особенности красногвардейскими отрядами, доходившими порою до неслыханных издевательств над мирным тружеником, что создавало в глазах населения отрицательное представление о Красной Армии и Советской власти...

...Нужно помнить, что население поставлено между двух огней. Красная Армия не может обеспечить охрану киблачного населения от влияния и произвола басмачей.

Всех добровольно перешедших и взятых в плен, как джигитов, так и курбашей, направлять через соответствующие штабы в штаб группы, отнюдь не допуская никаких самосудов и издевательств над пленными.

Командующий Туркфронтом В. Лазаревич.

Члены Революционного Военного Совета: П. Баранов.

В. Шаранов.

Нач. Политического Управления фронта И. Врачев.

16 сентября 1921 года.

Гор. Ташкент.

Приложение № 13.

Образцы воззваний помощника Курширмата, курбаши Мухамата (Мамарозы) от 7 мая 1921 года.

(Подлинный в делах „особо ценных“ Военной секции Цуардел).

А: (на русском языке) от командира полка белой гвардии Мухамет-Розы.

О Б'Я В Л Е Н И Е.

Всем сочувствующим мусульманской партии как русским, так и мусульманам предлагаю присоединиться к нам возможно скорее. Будете получать хорошее жалование и кормиться со всеми членами своих семей прилично, т. е. без стеснения относительно хлеба, мяса, риса и проч.

Всем, не имеющим лошадей или оружия, нами будет немедленно доставлено таковые.

Мухамет Розы. Прикладываю свою печать.

7 мая 1921 года. М. П.

Б: (перевод с узбекского) Начальника войск Гази Мухамет-Розы.

О Б'Я В Л Е Н И Е.

Настоящим об'являю всем гражданам мусульманам, находящимся на службе у русских: вам нельзя оставаться в бездействии, в течение этой недели идите на защиту своего народа и переходите на нашу сторону, т. к. немного осталось до того времени, когда нашему мусульманскому войску придет помощь из большого государства.

Если в эту неделю не придете к нам на помощь, то не будет больше поводов для прощения вашей вины. Поэтому письменно и с доверием обращаюсь к вам: не слушая всяких обольщений, своей собственной охотой переходите на услужение своему народу—мы возвеличим вас.

Ожидая вас, посылаю это письмо.

Я, Аскер-баши, Гази-Мухамет Розы приложил печать.

М. П.

Приложение № 14.

„От командира полка белой гвардии“.

(На русском языке).

О Б'Я В Л Е Н И Е.

Товарищи рабочие и крестьяне. Не пора ли бросить резню между нами. Ваши коммунисты нагло врут то, что вы боретесь с буржуазией, нет. Это ложь. Вы воюете с декханами и крестьянскими рабочими, которые восстали против разных насилий и незаконных реквизиций, которые привыкли существовать лишь только и

туманить головы рабочим и крестьянам. Товарищи, вызываю я всех на самозащиту, т. к. наше стремление—улучшить положение крестьян и рабочих. Довольно выпускать ложные лозунги коммунистам, которые до сего времени не пришли и не придут ни к чему и бросьте верить дармоедам комиссарам, которые пожирают крестьянский хлеб и скот с насилием и даром.

Командир полка белой гвардии Мухамед-Розы.

1921 г. 7 мая.

- 4 печати: 1) Мама-Розы.
2) Гани-Пансат Ташбулатов.
3) Абдулла Ахмедбаев.
4) Неразборчива.

Примечание. Все объявления были расклеены по улицам гор. Скобелева. Интересно, что почерка русских прокламаций А. и В. разные, первый интеллигентный, второй—грубый, содержание прокламации соответствует почеркам, при чем идеология автора прокламации В. напоминает воззвания Крестьянской Армии 1918 г. и 1919 годов.

Д. З.

Приложение № 15.

Архив Путурка. 1921 год. Дело № 5. Доклад Пофергруппы за июнь мес. № 411.

В ответ на предложение Начгара сел. Каннибадам. „6 июня 1921 года. От курбаши Нурулла Максума.

М. Г. Вы пишете, чтобы я помирился с Советской властью, чтобы защищать отечество. Спрашивается, от кого защищать—про это вы не упомянули.

Крайне удивлен на ваше наивное предложение. Если так понимать, то отечество надо защищать от разгрома, грабежа хулиганов, то вы, милостивый государь, переходите на нашу сторону, т. к. мы защищаем отечество от узурпации бандитов большевиков, которые нагло разрушили и разграбили за три года все то, что было создано за тысячу лет.. Вы господа русские коммунисты одурманились, соблазнившись на хитросплетенный обман жидов.. Известно ли вам положение России, где люди умирают с голоду, а вы, глупцы, здесь воюете с нами и проливаете кровь забитого туземного населения, которые кошмарные жида хотят обратить в колонию. Известно ли вам, за что мы воюем. Мы воюем именно за то, чтобы спасти отечество от всех жидов и жить автономно, чтобы население не эксплуатировалось жителями Иерусалима, коих вы признаете за бога.

Вот что, господа, лучше мы, забитые туземцы, сойдемся с вами, обманутыми русскими и совместно будем бороться с жидами, чтобы спасти отечество“.

Примечание. Обращение написано по-русски, смешанной полусоветской полустарой орфографией.

Д. З.

Приложение № 16.

Резолюция по докладу тов. Баранова, принятая на 3-ей Партконференции войск Феробласти 21—25 февраля 1922 г.

Военно-политическое состояние Ферганы и задачи Красной Армии.

Принесенный на штыках русский капитализм застал Фергану, как и весь Туркестан в период натурального хозяйства и земледелия и ремесленно-цехового строя в городе. Еще слабо обозначались контуры более высокой хозяйственной формы—торгового капитала. Десятилетие господства русского капитала произвело революционный сдвиг в хозяйстве.

Товарное производство в земледелии (особенно хлопководство) получило колоссальное развитие. Народилась и окрепла туземная буржуазия, преимущественно торговая. Эксплуатация широких слоев трудящихся, особенно гнетущая в колониях, достигла невероятного развития.

Менее быстро протекал процесс разложения патриархального родового быта, высвобождение из-под гнета предрассудков. Дифференциация классов и оформление классового самосознания особенно у эксплуатируемых отставали от хозяйственного развития.

Развившиеся производительные силы, значительное увеличение площади поливных земель, производство более интенсивных сельскохозяйственных культур, поглощавших огромное количество разоряющихся и лишавшихся земли крестьян и власть предрассудков—смягчали классовые противоречия и представляли широкое поле для приложения „способностей“ русской, международной и туземной буржуазии.

Военно-полицейский режим русской администрации, преданность интересам капитала, властвующих над умами трудового населения мулл и ишаков, культурная отсталость и забитость трудящихся и господство патриархально родовых предрассудков—широко использованы нарождающейся туземной буржуазией, усвоившей выгоды царивших пережитков в массах и прелести капиталистического строя.

Все это, вместе взятое, закабаляло широкие слои населения в покорности капиталистической эксплуатации и отдаляло неизбежный взрыв негодования.

Вот почему до революции басмачество не приняло широких размеров и поглоштило лишь люмпен-пролетарские элементы и серьезной угрозы капитализму не создало.

Революция принесла с собой и хозяйственные осложнения. Связь с центром была прервана, небывалый урожай хлопка не имел сбыта, хлопковый кризис разорил торговую буржуазию, обрек на муки голода крестьян и рабочих, занятых в земледелии (мардикеров и черикеров) и в промышленности. Накопившееся десятилетиями недовольство ломкою старого уклада жизни, кабалой и гнетом, нашло свое выражение в бунте против города, пришлых европейцев, носителей новой культуры, новых производственных отношений. Судорожное сопротивление капитализма, имевшее место во всей России, здесь на окраине, в колонии пыталось реставрировать былые отношения под лозунгом автономии, ислама и газавата. Кокандская автономия создала современное басмачество, стала во главе его, дала ему идеологию национально-религиозной борьбы. Коалиция русско-туземной буржуазии, мирно уживавшаяся с урядниками и приставами, выступила с лозунгом газавата.

В процессе борьбы происходит внутреннее перерождение басмачества. Утопичность попыток возродить капитализм, классовое расслоение туземного населения, внутренние разногласия, усиление военной мощи Красной Армии и ряд военных поражений создают центростремительные тенденции в басмачестве.

Мишура лозунгов автономии отпадает. Басмачество начинает выявляться, как реакционная сила, пытающаяся восстановить прежние феодальные отношения. Типичные представители басмачества этого периода—Курширмат, Муэтдин, Рахманкул и др.—Феодалы, с междоусобной борьбой, безраздельным владычеством в своем районе и т. д. Борьба с басмачеством ни в коей мере не могла способствовать восстановлению хозяйства, а разгул шаек мелких феодалов и действия Красной Армии все больше разоряли страну.

Мы вступили в третий период. Наследие прошлого изживается.

Новая экономическая политика, не взирая на все своеобразие переплетения национальных, религиозных и пр. моментов, делает свое всероссийское дело, примирая город с деревней.

Город, извлекая реальные выгоды из свободной торговли, решительно и безоговорочно становится на сторону Советской власти и столь же решительно ополчается против басмачества, как явления, препятствующего развитию товаро-оборота с деревней. Усиление торговли и кустарной промышленности уже в данное время является стимулом к развитию сельского хозяйства. В кишлаке растет и крепнет авторитет Советской власти и слагаются легенды, направленные против басмачей. Политические уступки (вакуфы, суды казиев и пр.) лишают басмачество даже религиозно-национальных элементов борьбы. Духовенство, заинтересованное в укреплении Советской власти осуждает басмачество и объявляет его противным шариату.

Басмачество все больше и больше изолируется. Из выразителя настроений и чаяния кишлака, басмачество превращается в глазах населения в грабительские шайки, обирающие и разоряющие область“.

Приложение № 17.

Современное положение Басмачества.

(Тезисы).

1) В 18 и 19 г.г. басмачество в Фергане несомненно было обще-национальным движением. Его поддерживало большинство туземного населения.

В эти годы оно и лозунгом своим имело национальное освобождение (автономия Ферганы), охранение в неприкосновенности быта населения и сохранения прав духовенства.

2) Глубокие корни басмачества лежат и в хозяйстве жизни недавнего прошлого, при хозяйничании российской буржуазии. Из Ферганы вывозился хлопок, в нее ввозился хлеб и фабрикаты, сама она не имела промышленности для удовлетворения своих нужд. Проникновение торговых отношений вызвало разорение ряда хозяйств и ломку привычного быта. Отсюда недовольство новыми формами торгового хозяйства. Город для кишлака был ненавистен.

Революция разорвала связь Ферганы с Россией. Хлопок сбывать стало некуда, хлеб перестал ввозиться. Город был лишен своей торговой (экономич.) силы. Сотни тысяч хлопкоробов и рабочих хлопковой промышленности перешли в ряды резервной армии труда.

Басмачество явилось выражением недовольства населения против торгового города и стремлением кишлака вернуть прежние формы натурального хозяйства и феодальных отношений.

3) Не менее важной причиной была колонизаторская политика Узбек, и киргизы в глазах старой власти были не столько людьми, сколько рабочим скотом. От них отнимались земли, они всячески эксплуатировались, русские крестьяне убивали их когда хотели.

В первые годы Советская власть несмотря на официальные лозунги была насквозь колонизаторской (русской и армянской дашнакской) и продолжала ту же политику насилия и порой даже в более откровенных формах прямого ограбления. В особенности с момента разгрома Кокандского автономного правительства.

Басмачество периода 18—19 г.г. и было протестом населения против колониальных угнетений и эксплуатации. Понятно, что оно поддерживалось и байством, и беднотой.

4) Красная Армия долгое время была составлена исключительно из русских, а в первое время революции еще и дашнакских отрядов. В продовольственном отношении она жила грабежом. Населению она была чужда. Колониальные отбросы играли в ней большую роль. Она была орудием продолжения плохо замаскированной колониальной эксплуатации.

Говорить даже о возможности сочувствия ей, со стороны какой-либо общественной группы туземного населения не приходилось.

5) Являясь в первое время своего существования движением большинства населения, басмачество быстро начало приобретать характер движения в интересах прежде всего байства. Байство им руководило, оно поставило всяких курбашей. Его поддерживало духовенство. Через басмачество оно стремилось восстановить свою власть и хозяйственную и политическую.

Это новое белогвардейское содержание басмачества особенно ярко сказалось в частных объединениях русского кулачества с басмаческими курбашами („крестьянская партия“ в Джелаль-Абадском восстании).

Приобретая классово-байский характер, басмачество оторвалось от трудящихся масс населения. Последние уже не оказывали ему активной поддержки, были поставлены между двух огней (т. е. Советская власть и байское басмачество) и сохраняли пассивность.

6) Вооруженная борьба басмачества с Советской властью в течение нескольких лет в корне подорвала хозяйство ферганского декхана. Его скот уничтожался, арыки не ремонтировались и портились, поля вытаптывались, урожай в своей большей части забирался и ограблялся, также легко ограблялось и всякое другое имущество.

Никакой уверенности в завтрашнем дне не было, но было за то неизбежное приближение голода. Оно чувствовалось всеми, о нем говорилось.

В этом разорении населения в первое время одинаково повинны были и Красная Армия, и басмачество, и даже больше первая, т. к. басмачество пользовалось сочувствием и поддержкой населения. Но по мере оздоровления Советской власти вообще произошла чистка и Красной Армии, в ней была проведена решительная борьба с бандитизмом, ее продовольственное отношение к населению было урегулировано. Между тем басмачество, чем больше оно отрывалось от трудовых масс населения, тем более должно было становиться на путь грабежа.

В 20 и 21 г.г. уже для всех стало ясно, что истинными виновниками разорения Ферганы являются басмачи.

Политические симпатии населения стали склоняться в сторону Советской власти.

7) В 20 и 21 г.г. произошло коренное изменение Советской власти. Она приобрела действительно интернациональный характер. С колонизаторством началась борьба и политическая и экономическая. К участию в советском строительстве было привлечено коренное население, работники которого быстро стали большинством советских работников. Произведенная в части Ферганы земельная реформа показала, что Советская власть, власть не национальная, а классовая.

Население было выведено из состояния пассивности, перелом в сторону ориентации на Советскую власть произошел окончательно.

8) Но понятно, что находясь в зависимости от басмачества, оно не могло быть ему активно враждебно. Это оружие оно получило в лице Красной милиции, созданной из самого населения. Началась непосредственная борьба с басмачеством наиболее активной части населения, враждебной его байскому характеру.

9) В своей оппозиции Сов. власти басмачество долго опиралось на религиозные предрассудки населения, требуя восстановления прав духовенства, возвращения вакуфов, восстановления суда казиев. Оно стремилось, выражая настроения и интересы духовенства, представить Сов. власть, как гонительницу религии.

Чтобы показать, что вовсе не в вопросах религии заключается суть Советской власти, последняя пошла на так наз. политические уступки.

Введение суда казиев и биев, в которых может судиться всякий желающий, возвращение вакуфов, разрешение духовенству открытия школ — привлекло на сторону Сов. власти большинство прогрессивного духовенства. Ряд ишанов и улем заявил о поддержке Советской власти и призвал население к борьбе с басмачеством.

В басмачестве осталась заинтересованная лишь часть байства и клики профессиональных бандитов.

Оно значительно приобрело „узко-басмаческий“ бандитский характер.

10) Лишившись сочувствия и поддержки почти всех групп населения, растеряв все свои политические лозунги и приобретя чисто бандитский характер, басмачество столкнулось уже не только с Красной Армией, но и с самим вооруженным населением. Думать, что оно еще долго может существовать не приходится. Очевидно оно обречено на полную ликвидацию в ближайшее время.

Но для успеха этого дела необходима прежде всего большая активная помощь населения Красной милиции и Красной Армии.

Агитпроп Цккпт.

Турк правда, 19 августа 1922 года № 181.

Приложение № 18.

Совету Народных Комиссаров Туркестанской Республики.

Дорогие товарищи!

Хозяйственное, военное, культурное строительство в Туркестанской республике имеет исключительное значение как для нашего Советского Союза, так и для великого азиатского Востока. XII съезд коммунистической партии с большей энергией, чем когда бы то ни было, утвердил то положение, что строительство в национальных республиках, опираясь все более на местные силы, должно пустить глубокие корни в толщу туземных народных масс. В противном случае строительство будет бюрократическим, следовательно, безжизненным и колонизаторским, следовательно, антикоммунистическим.

Разумеется, недостаток вполне подготовленных туземных технических работников разных специальностей представляет собой большое затруднение. Но это затруднение необходимо преодолеть системой мер, направленных на постепенную подготовку туземных квалифицированных работников, на практическое доучивание подготовленных работников под руководством более опытных европейских специалистов и пр. и пр. В военном, как и во всем остальном государственном аппарате, могут оставаться только такие работники, специалисты, чиновники, которые знают местную жизнь или стремятся изучить ее, которые проявляют величайшее внимание к действительным особенностям и потребностям туземных народных масс и готовы искренно и добросовестно служить им. Всякий, кто относится свысока к туземному населению и его языку, кто проявляет колонизаторские замашки, должен беспощадно изгоняться не только из туркестанского государственного аппарата, но и из государственных органов всего Союза. Особенно внимательно надлежит в этом отношении наблюдать за военным аппаратом. Комиссары и командиры должны воспитывать всех красноармейцев в духе братской солидарности с туземными трудящимися массами. Красные полки не для оккупации Туркестана, а для содействия туркестанским рабочим и крестьянам в деле их защиты от иностранного империализма и его агентов. Наш общий долг — сделать все, чтобы помочь трудящимся Туркестана постепенно создать свои национальные части, способные рука об руку со всей Красной Армией Союза — обеспечить неприкосновенность и независимость социалистического Туркестана.

Шаг за шагом, упорно и настойчиво, общими нашими усилиями мы не только оградим нашу независимость от враждебных посягательств, не только поднимем хозяйственный уровень наших республик, но и обеспечим действительную солидарность и братское сотрудничество между всеми национальностями Советского Союза.

Желаю вам всякого успеха в работе.

Ваш Л. Троцкий.

8 мая 1923 года.
280/т.

Записка о реорганизации Добрмилиции в Турккеспублике.

Добрмилиция признается, как один из источников для образования Национальных Красных частей.

В силу этого, она должна быть включена теперь же в общую систему подготовительных мер для предстоящих формирований Красных частей. Таковыми мерами надо считать: а) образование военно-национальной школы, б) образование учебных команд для подготовки бойцов по наиболее сложным военным специальностям, в) усиление боеспособности и повышение качеств Добрмилиции.

Помощью перечисленных мер предполагается построить стройную систему, при которой, после 3-х годичного обучения комсостава, можно будет сразу же развернуть из учебных команд и обученных добрмилиционеров кадры целых частей, которые останутся только пополнять новобранцами.

Во всей этой системе добрмилиции отводится серьезная роль первоначальной подготовки бойцов, которые постепенно будут проходить учебные команды, и затем, лучшие из этих учебных команд будут попадать на курсы.

Та часть добрмилиционеров, которые в течение 2-х лет не пройдут учебных команд и школы, также должна быть подготовлена настолько, чтобы на 3-й год, когда все остальные команды милиционеров вольются в полки, могла бы взять на себя роль учителей новобранцев.

В виду изложенного, одновременно, с построением военной школы учебных команд, необходимо теперь же приступить к резкому улучшению в качественном отношении существующей добрмилиции. Тут намечается ряд следующих мер: а) омоложение милиции, имея в виду, что только при этом условии нам удастся ее использовать, как источник, для пополнения учебных частей, б) поднять политическую работу и строевую выучку, в) попытаться постепенно ввести казарменный режим.

Одновременно с этим добрмилиции должно быть отведено достаточное внимание и как силе борющейся с басмачеством, почему вся реорганизация должна производиться постепенно и в условиях боевой обстановки. Таким образом, в отношении добрмилиции предстоит теперь же, произвести ряд подготовительных мер к осуществлению намеченной реорганизации.

Подготовительными мерами будут:

- а) точный учет по возрасту,
- б) составление характеристики каждого отряда и каждого милиционера, с целью выявить картину, как велико будет число подходящих оставлению и, наоборот, изъятию,
- в) подбор командиров, комиссаров и политруков.

По проведении этой работы приступить: к омоложению, подыскав пути безболезненности этой операции, т. е. предоставление мест великовозрастным; изъятию всего неподходящего элемента и подбору молодежи для заполнения освобождающихся вакансий. После этого ввести в милиции войсковой порядок и дисциплину.

Первый период проведения подготовительных мер и пополнения пустующих рядов, милиция будет использована в боевой обстановке для выполнения вспомогательных боковых заданий, как это практиковалось до настоящего времени.

С пополнением рядов милиции более молодым составом, командование обязано приложить все усилия к поднятию боевой мощи милиции. Таковое должно производиться двумя путями: регулярным обучением, совместно с частями Красной Армии, и вовлечением отрядов Добрмилиции в боевые действия.

С момента приведения отрядов Добрмилиции в порядок (2-й период) она должна быть снабжена Красной Армией всем военным имуществом и снаряжением.

В отношении отрядов Добрмилиции, обнаруживших боеспособность, на подготовительный период и период омоложения, должны быть произведены в первую очередь и в кратчайший срок, почему помощь им должна быть оказана в первую очередь, т. е. они теперь же, должны быть вооружены однотипным оружием и должны регулярно снабжаться боеприпасами.

Вопрос об их продовольствии должен быть поставлен наравне с Красной Армией.

Эти последние отряды для боевых операций могут перебрасываться из районов в район, для чего у них должен быть создан соответствующий обоз.

Пункты расквартирования таких отрядов надлежит назначать при начальнике полевых войск, соответствующего района.

В отношении наиболее отставших частей, в целях ускорения процесса реорганизации, полезно теперь же более молодую по возрасту часть милиционеров сво-

дать в отделения и взводы; подготовку последних вести как указано выше, т. е. ускоренным способом.

Одновременно с этим, надлежит внушить частям Красной Армии, что поднятие боеспособности Добрмилии является нашей общей задачей.

П. п.

Главкомандующий Всеми Вооруженными Силами С. С. С. Р.

С. Каменев.

„14“ июня 1923 года.
г. Ташкент.

Верно: Помначоперотресп. Герберт.

Приложение № 20.

Инструкция о работе в Красной Армии политорганизаторов из местных работников.

I. Общие положения.

1. Политорганизатор под руководством военкома (политрука) части ведет работу среди коренного населения.
2. Политорганизатор по заданиям комиссара (политрука):
 - а) выполняет оперативные поручения;
 - б) непосредственно ведет работу среди коренного населения;
 - в) принимает участие в создании и укреплении сов. аппарата в занимаемых его частью районах.
3. Политорганизатор находится в непосредственном и исключительном подчинении комиссара (политрука) части, к которой он прикомандирован.
4. Никаких административных функций, как внутри части, так и вне ее политорганизатор не несет, то или иное мероприятие он проводит через комиссара части.
5. Общее руководство деятельностью политорганизаторов осуществляется посекром, который по мере надобности созывает инструктивное совещание. Прикомандированные к Посекру и полку политорганизаторы используются главным образом как инструктора-организаторы, прикомандированные к ротам или взводам непосредственно проводить работу среди коренного населения.
6. Политорганизатор состоит членом ячейки части наравне с другими членами партии.

II. Агитработа среди коренного населения.

7. Политорганизатор разъясняет населению ложность слухов и клеветы, распространяемой басмачами о Красной Армии, в частности о карательных органах. Политорганизатор разъясняет мероприятия Соворганов и Красной Армии, популяризируя таким образом борьбу Красной Армии с басмачеством.
8. Во всей своей агитработе политорганизатор должен разъяснять коренному населению те практические выгоды, которые приносит декханскому хозяйству победы Красной Армии.
9. Политорганизатор постоянно разъясняет коренному населению, что Соввласть и Красная Армия не нарушает религию и обычай туземцев.
10. Политорганизатор устраивает митинги, стараясь сделать их возможно более привлекательными с точки зрения внешних эффектов.
11. Политорганизатор читает и разъясняет населению приказы командования и Соворганов.
12. Политорганизатор ведает распространением литературы и организует групповую массовую читку.
13. Политорганизатор обязан информировать Андижанскую газету о своей работе, особо выделяя все моменты общения Красной Армии с населением.

III. Советская работа.

14. Политорганизатор знакомится о состоянии Соваппарата района своей части, личным составом, отношением к нему населения и о результатах информирует комиссара (политрука) части.
15. Под руководством комиссара (политрука) политорганизатор принимает все меры к проведению выше стоящих органов в области Сов. строительства.

Приказ Политического Управления Реввоенсовета Республики.

№.....

Г. Москва.

12 июля 1923 г.

(Руководящие указания по докладу инспектировавшего Туркфронт Начальника Агитпропотдела ПУР'а тов. Рафеса).

В работе полигорманов Туркестанского фронта рядом с большими достижениями в деле политического воспитания красноармейцев в уважении и братских отношениях к туземному трудящемуся декханству (крестьянству), обнаруживаются некоторые существенные дефекты, свидетельствующие о том, что не полно учтены в работе особенности боевой обстановки и местные национальные отношения.

В виду этого, подтверждая по Полит. Управлению РВС Туркфронта распоряжения, данные на месте т. Рафесом, приказываю в дальнейшем руководствоваться нижеследующим:

1. Приспособить политаппарат воинских частей и политотделы к необходимости постоянного участия и содействия работе туземных партийных и советских организаций, для чего разработать и представить на утверждение Р. В. С. Р. дополнительный штат для туземных партийных работников, а в Восточной Бухаре организовать при политотделах дивизий и бригад советские отделения, действующие по согласованному с Бухарским правительством директивам РВС Востбухари.

2. Твердо проводя установленную XII Съездом партии линию в национальном вопросе, настойчиво и систематически привлекать туземные организации к участию в военной борьбе против басмачей. Путурку по соглашению с Туркправительством принять на себя организацию регулярной политической работы в отрядах добровольческой милиции, следя за установлением братских отношений между Красной Армией и боевыми отрядами добрмилиции. Чаше созывать смешанные широкие конференции частей Красной Армии, добрмилиции и туземного декханства.

3. В связи с решением XII Съезда партии об организации национальных частей и руководствуясь циркуляром ПУР'а от 30 июня № 119/35 Политическому Управлению Туркфронта надлежит:

а) совместно со Штабом разработать план организации национальной военной школы типа нормальных трехгодичных школ, рассчитанной на 350 человек переменного состава, разработав совместно с руководящими партийными и советскими органами план ее укомплектования туземной молодежью по преимуществу из Комсомола;

б) принять деятельное участие в постановке организации национального отделения в школе младшего комсостава 2 турк. стрелковой дивизии и национальных полковых учебных команд;

в) всемерно содействовать успешности реорганизации добровольческой милиции по указаниям, данным Туркфронту Главкомом всеми вооруженными силами Республики;

г) совместно с руководящими партийными и советскими органами наметить план подготовительных работ по организации учета способного к исполнению воинской повинности туземного населения.

По разработке проектов их представить на утверждение Реввоенсовета Республики.

4. Для подготовки всех указанных мероприятий и для популяризации их среди туземного населения Путурку надлежит:

а) организовать специальное национальное отделение под руководством Начптурка, штат которой представить на утверждение ПУР'а;

б) выпускать из средств шефов по соглашению с парторганами периодической листок на туземном языке.

По ПУР'у.

1) Ставлю на вид всем отделам ПУР'а обнаружившуюся медлительность в выполнении заданий для Туркфронта.

Предлагаю все задания по нему выполнять в ударном порядке.

2) Агитпропотделу ПУР'а представить план реорганизации военно-политической школы Туркфронта с организацией в ее составе и за счет ее пайков постоянного и переменного состава национального отделения для подготовки политработников национальных формирований Туркеспублики.

Об исполнении указанных мероприятий донести не позже 1-го августа специальным докладом.

Начальник Политуправления РВСР Антонов-Овсеенко.

Список источников.

Печатные.

- Завоевание Средней Азии. Ген.-лейт. *Терентьев*.
Фергана. Военно-статистич. описание. Ген. шт. полк. кн. *Стокасимов*.
Очерки Ферганской долины—Академик А. Ф. Миддендорф.
Туркестан. Мушкетов.
Ежегодник. Изд. Ферг. Обл. стат. Комиссии.
Туркестан. Кн. Масальский (том XIX издания „Россия“ под редакцией Семенова-Тянь-Шаньского).
Краткая география Туркестана *Лавров*.
Колониальная революция. *Г. Сафаров*.
Труды ТЭС.
Военная мысль. № 1—1920 г. № 1, 2 и 3—1921 г.
Издания ВРСТ. Военный Работник Туркестана. Красноарм. газета.
Наша газета—за 1917—18 год.
Туркестанский курьер. „Туркест. ведомости“ за 1917—1918 г.
Красная Фергана за 1921 год.
Доклад о мирных переговорах с Муэтдином. *И. Врчев*.

Архивные.

- Отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области в мае 1898 г. Ген.-лейт. *Корольков*.
Доклад о том же военного прокурора Турк. Воен.-Окр. суда.
Всеподданнейший доклад ген. *Куропаткина* о восстании 1908 г.
Ежемесячные отчеты генерал-квартирмейстера Штаба Т.В.О. о том же.
Дела Исполкома села Дмитровка. 1918—1919 г.
Дела Ферганского Штаба Кр. Гвардии 1918—1919 г.
Дела Ферганского фронта. 1919 г.
Дело Главного штаба Турк. войск.—1919 г.
Дела РВС Туркеснублики. 1919 г.
Дела Штаба и военкома 2-й Т. стр. див. 1920—1921 г.
Дела Штаба Ферг. Арм. группы. 1921—1922 г.
Дела Штаба Туркфронта. 1920—1922 г.
(5-я Военная секция Цуардел).

- Архив Путурка.
Дела Наркомнаца (1-я секция Цуардел).